

Ингрид Веккерт

ЭМИГРАЦИЯ ЕВРЕЕВ ИЗ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

«Критика: Голос народа», номер 88; издательство Nordwind-Verlag, 1994.

Сокращенный (без примечаний) перевод с немецкого, 2018 г.

Оригинал: Ingrid Weckert, Auswanderung der Juden aus dem Dritten Reich

«Kritik: Die Stimme des Volkes», Folge Nr. 88; Nordwind-Verlag, 1994.

Оцифрованная версия The Scriptorium, 1999.

Об авторе: Ингрид Веккерт (род. в 1927 году) – немецкая публицистка, ревизионистка, т.н. «отрицательница Холокоста». Изучала католическое богословие, работала библиотекарем и экскурсоводом. Приобрела известность в 1981 году с выходом ее книги «Das Feuerzeichen», в которой она утверждала, что т.н. «Хрустальную ночь» (еврейские погромы в Германии в ноябре 1938 года) спровоцировали радикальные сионисты, желавшие вызвать антиеврейские репрессии и тем самым способствовать эмиграции евреев из Германии в Палестину.

Ингрид Веккерт вместе с Михаэлем Кюненом организовала праворадикальную «Антисионистскую акцию». Она также была членом «Немецкой альтернативы», поддерживала отношения с другими ревизионистами (Эрнстом Цюнде-лем, Дэвидом Ирвингом). Она публиковалась также под псевдонимом «Хуго Раушке».

Содержание:

1. Введение
 2. Еврейское «объявление войны»
 3. Евреи в Германии
 4. Эмиграция
 5. Хаавара
 6. Сопrotивление против Хаавара: с еврейской стороны
 7. Сопrotивление против Хаавара: с немецкой стороны
 8. Эмиграция и СС
 9. Соглашение Рабли-Вольтата
 10. Моссад ле-Алия Бет и нелегальная иммиграция
 11. Предложения «Иргун»
 12. Заключение
 13. Приложение: Основные черты предложения Национальной военной организации в Палестине (Иргун Цвай Леуми) относительно решения еврейского вопроса в Европе и активного участия Национальной военной организации в войне на стороне Германии
 14. Приложение: Текст соглашения Рабли-Вольтата
- Приложение: Ингрид Веккерт. «Газенвагены» – критический анализ доказательств

Часть 1. Введение

Современная историография приучила себя рисовать все, что связано с Третьим Рейхом, одной лишь черной краской, совершенно без учета фактических исторических событий. Это особенно верно в том случае, когда речь заходит о еврейской группе населения. По этой причине эмиграция евреев из Германии также часто представляется в полностью искаженном виде.

Все еще есть публикации, в которых ситуация описывается так, как будто бы эмиграция евреев была чем-то вроде тайной акции. Как будто бы евреям, которые хотели покинуть Германию, приходилось вопреки воле немецких властей, часто ночью и в тумане, тайком пробираться через границу и оставлять при этом все свое добро и всю собственность. В других описаниях можно прочесть, что Германия заставляла платить большие деньги за визы. Как сила воображения, так и глупость авторов не знают в этой области никаких границ.

Правда состоит в том, что немецкое правительство само хотело еврейской эмиграции и часто оказывалось под давлением с разных сторон, становившимся все сильнее. Антисемитское законодательство в Третьем Рейхе – это факт, который никто не может оспаривать. Психологическое давление, под которым евреи жили в Германии с 1933 года, и часто трагические последствия для людей или семей, кого это коснулось, тоже никак нельзя преуменьшать. Но обо всем этом общественность и так уже давно знает из бесчисленных публикаций, радиопередач и телевизионных передач. Нам здесь не нужно снова разбирать этот вопрос.

Тем не менее, вопреки многочисленным отчетам или воспоминаниям, нужно констатировать: Эмиграция была не диким, неорганизованным бегством, а процессом, который регулировался правовыми определениями. Цель этой работы – более подробно разъяснить эти определения и тем самым снабдить недостающим дополнением традиционное изображение еврейской эмиграции из Германии.

Немецкие власти и еврейские организации тесно сотрудничали с целью эмиграции. Заинтересованные в эмиграции евреи получали со всех сторон подробные консультации, и им предоставлялась разнообразная помощь. О тайном бегстве в ночи и тумане через какую-либо границу не может быть и речи. Наоборот. Немецкое правительство было заинтересовано в том, чтобы евреи уехали из страны. Было бы бессмысленно, если бы оно мешало им в этом.

Часть 2. Еврейское «объявление войны»

После выбора Адольфа Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 года и последующего прихода к власти национал-социалистической партии преобладающее большинство из 500 000 проживавших в Германии евреев отнюдь не думало, что новая политическая ситуация приведет для них к фундаментальному изменению их жизни. Во всяком случае, они рассчитывали на временные ограничения, но отнюдь не на общее исключение их из общественной жизни или, тем более, на вытеснение из Германии. Поэтому лишь политически заметные личности сначала паковали свои чемоданы и переезжали за границу, преимущественно уверенные в том, что смогут раньше или позже вернуться назад.

Уже 24 марта 1933 года, итак меньше, чем через два месяца после того как национал-социалисты взяли в свои руки контроль над правительством, «мировое еврейство», как оно себя называло («World Jewry»), объявило Германии войну. Так как «мировое еврейство» не располагало собственным государством, оно использовало ту силу, которая у него была, а именно свое влияние на мировую экономику, и объявило всемирный экономический бойкот Германии.

После этого сенсационного объявления войны, которое появилось в лондонской газете «Daily Express», собственно, не только «мировому еврейству», но и живущим в Германии евреям должно было бы стать ясно, что это не может пройти для них без последствий. Ни одна страна мира, которая уважает себя – а тогдашняя Германия очень уважала себя! – не могла бы оставить такой вызов без ответа. Кроме того, экономический бойкот порастил нас в самое слабое место.

1933: «Иудея объявляет войну Германии»

Экономическое положение Германии было почти катастрофическим. Свыше шести миллионов безработных, бесчисленные продающиеся «с молотка» предприятия, рухнувшая экономическая система представляли собой для нового немецкого правительства почти невыносимое бремя и казались неразрешимой задачей. Собственно, дополнительный бойкот немецких товаров зарубежными странами должен был бы нанести нам смертельный удар. То, что этого не произошло, что Германия, наоборот, за невероятно короткое время оправилась в экономическом отношении и стала примером для других стран, за это нужно благодарить только гений тогдашнего руководства. Это подтверждают не только многочисленные сообщения тех времен, но и несколько исследований более нового времени, которые в своем описании следуют фактам. В этом контексте особенно стоит упомянуть труд Райнера Цительмана («Гитлер. Самосознание революционера»; Rainer Zitelmann, Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs), в котором автор посвящает экономическому выздоровлению Германии две главы.

Часть 3. Евреи в Германии

Последствием враждебного отношения так называемого мирового еврейства стало стремление немецкого правительства уволить еврейских граждан с влиятельных государственных должностей. Лишь только позже возникло и усилилось, прежде всего, из-за еврейского объявления войны, желание вообще удалить их из Германии, принудить их к эмиграции. Затем это последовательно привело к государственному содействию еврейской эмиграции из Германии.

Без сомнения, для немецких евреев это было трагическим развитием. Так как, невзирая на тот факт, что так называемое всемирное еврейство объявило Германии войну, Германия была родиной для сотен тысяч их. Большинство жили здесь уже на протяжении нескольких поколений. Для них «эмиграция» была сначала невыносимой альтернативой. Многие долгое время не могли решиться на этот шаг.

Среди немецких евреев было множество групп и подгрупп с многочисленными отличающимися друг от друга политическими мнениями. Наряду с чисто религиозными объединениями существовали самые разные союзы с часто противоположными представлениями об определенных вопросах.

Четырьмя самыми большими еврейскими объединениями были:

1. «Центральный союз немецких граждан иудейской веры», сокращенно называвшийся «Центральный союз» или CV. Он существовал с 1893 года. В 1935 году он был переименован в «Центральный союз евреев в Германии». Он насчитывал примерно 70 000 членов. Политическим органом его была газета «C.V-Zeitung».

2. «Сионистское объединение Германии» (ZVfD), основанное в 1897 году, оно насчитывало около 10 000 членов. Оно издавало газету «Еврейское обозрение» («Jüdische Rundschau»).

В 1925 году «Сионистское объединение» раскололось. Возникло «Новое сионистское движение», которые называли себя также «ревизионистами» или «государственными сионистами». Название «государственный сионист» характеризовало их стремление к собственному, еврейскому государству. Учредителем и вождем ревизионистов был Владимир Жаботинский. Представителем их в Германии был Георг Карески.

Георг Карески

3. «Имперский союз еврейских фронтовиков» (RjF), основанный в 1919 году, насчитывал примерно 10 000 членов, издавал газету «Щит» («Der Schild»).

Председатель Имперского союза еврейских фронтовиков Лео Лёвенштайн, участник Первой мировой войны (капитан), ученый и изобретатель, автор метода звукометрии

4. «Союз национально-немецких евреев» (VNJ), основан в 1921 году, насчитывал примерно 10 000 членов, издавал газету «Национально-немецкий еврей» («Der nationaldeutsche Jude»).

Чтобы лучше представлять еврейские интересы перед правительством, в 1933 году был организован объединяющий союз (головная организация) под названием «Имперское представительство немецких евреев» (RV). «Имперское представительство» в 1935 году было переименовано в «Имперское представительство евреев в Германии», а в 1939 переименовано в «Имперское объединение евреев в Германии». Тем не менее, VNJ отказался присоединиться к этому объединяющему союзу.

Вопреки всем дифференциациям можно различить два основных направления: одно, для которого самым главным была принадлежность к немецкому народу как общности, а еврейство рассматривалось лишь как вопрос религии, и другое, которое с еврейской религией связывало также сознание другой национальной принадлежности. Этой второй группой были сионисты. Среди немецких евреев они были в меньшинстве, однако со временем приобрели самое большое влияние.

Преобладающее большинство немецких евреев жило здесь уже более сотни лет. С эдиктом о евреях (эдикт прусского короля Фридриха Вильгельма III о гражданском равноправии евреев, 1812) было достигнуто политическое равноправие евреев, и действовавшие до тех пор ограничения были отменены. Следовательно, они чувствовали себя как немцы, а не как иностранцы. Эта их привязанность к Германии привела, по меньшей мере, в первые годы после 1933, не только к демонстрациям симпатии и положительному отношению к их немецкому отечеству и национал-социалистическому движению, но частично также к открытой вражде с сионистами, которые со временем все сильнее настаивали на отказе от любой ассимиляции и на эмиграции.

Сначала еще также в сионистском «Еврейском обозрении» писали так:

«Немецкий народ должен знать, что историческую многовековую тесную связь нельзя разорвать так просто». (13.04.1933)

И несколько позже та же газета писала:

«Мы полагаем, что также немецкие евреи должны найти свое место и свое включение в этом государстве и мы надеемся, что еще можно будет найти для этого такую форму, которая будет согласовываться с принципами нового государства». (29.08.1933)

Еще после так называемых «Нюрнбергских законов» «Еврейское обозрение» писало, что теперь заданием евреев стало развивать свое особое положение внутри немецкого народа в положительном направлении. (17.09.1935)

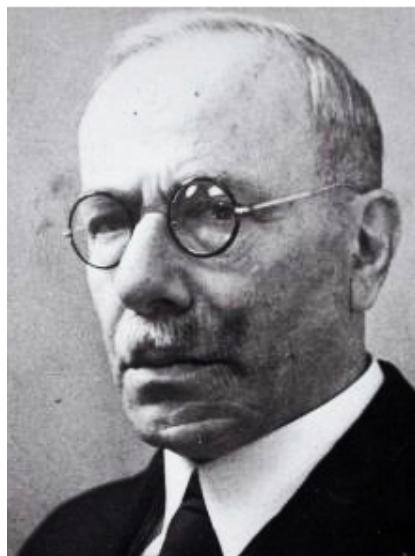
Здесь нужно привести еще несколько следующих цитат, которые документируют, насколько в те годы также еврейские граждане отождествляли себя с Германией. Естественно, это не должно вызывать впечатление, будто бы евреи в большинстве своем не относились к новому национал-социалистическому правительству с недоверием или недоброжелательностью. Но были также другие точки зрения, о которых сегодня, как правило, умалчивают.

В пункте 1 устава «Союза национально-немецких евреев» (VNJ) сообщалось:

«VNJ – это организация немцев еврейского племени, которые при открытом признании своего происхождения чувствуют себя настолько связанными с немецкой народной сущностью и немецкой культурой, что они не могут чувствовать и думать иначе, чем по-немецки».

Доктор Макс Науман, председатель VNJ, уже десятилетием раньше, в 1920 и 1924 годах – задолго до прихода национал-социализма к власти – неоднократно публиковал статьи о еврейском вопросе. В этих работах он представлял следующие позиции: Он делает различие между «немецкими евреями» (Deutschjuden) и «иностранными евреями» (Fremdjuden) и говорит:

«Немецкие евреи принадлежат к немецкому народу, а иностранные евреи – к рассеянному по всем четырем сторонам света народу без страны, потому что английская Палестина – это ни в коем случае не их страна и никогда не будет таковой».

Доктор Макс Науман

Он далее определяет иностранных евреев как группу, которая отличается «судорожно поддерживаемой отсталостью», через «иллюзию, что она является общностью избранных и представляет 'проблему' для других».

К «иностранным евреям» он причисляет также сионистов. И здесь он снова различает две группы. «Честно и откровенно мыслящими сионистами» являются сионисты, которые осознают свою инаковость и готовы жить в Германии как иностранцы, в случае необходимости также подчиняясь законодательству об иностранцах. Но тот, кто не принадлежит ни к одной группе, т.е. «немецким евреям», ни к другой – сознательным сионистам, это «остаток, который достоин того, чтобы погибнуть. Так как все же лучше, чтобы маленький остаток безродных и лишенных корней людей погиб, чем, если погибнут сотни тысяч людей, которые знают, к кому они принадлежат. Не может погибнуть наш немецкий народ».

Можно сказать, что это представление лишь отдельного человека, но этого человека, с этими представлениями, из года в год выбирали председателем Союза национально-немецких евреев. Это едва ли было бы возможно, если бы Союз захотел дистанцироваться от мнения доктора Наумана. Можно по праву исходить из того, что имела группа евреев, которая придерживалась таких весьма радикальных взглядов относительно своего еврейства.

Как уже говорилось выше, Союз национально-немецких евреев отказался присоединиться к объединяющему союзу других еврейских групп. Его члены настолько сильно ощущали себя немцами, что они думали, что им нечего делать в этом еврейском союзе.

Еще радикальнее была позиция немецко-национальной молодежной группы «Черный флажок». Она распустилась в 1934 году, после того, как часть ее членов отрекалась от иудаизма, чтобы, как сообщалось в официальном заявлении, «продемонстрировать этим полный разрыв с еврейством в любой форме».

Было много положительных высказываний и оценок не только немцев и немецкой национальной самобытности, но и национал-социализма.

В газете «Национально-немецкий еврей» уже в 1931 году был поставлен вопрос: «Могут ли евреи быть национал-социалистами?», и на него был дан однозначно положительный ответ. Газета писала:

«Разве мы, евреи, не проливали за Германию нашу кровь на полях сражений? Не был ли президент первого немецкого парламента в церкви Святого Павла евреем? Разве учредитель консервативной партии не еврей? Кому обязаны партии, которые возвышают единое немецкое отечество до своего лозунга, своим возникновением и своей организацией? Евреям! Кто первым сформулировал требования, которые составляют сегодня основные моменты национал-

социалистической программы, с самой полной остротой и ясностью? Еврей – Вальтер Ратенау». (Номер 1, январь 1931).

(Это ошибка. Президентом первого немецкого парламента в церкви Святого Павла во Франкфурте был барон Генрих фон Гагерн, из старого, происходящего еще из тринадцатого века дворянского рода с балтийского острова Рюген. Возможно, автор статьи имел в виду не его, а Мартина Эдуарда фон Симсона, крещеного еврея, юриста и профессора права, который в 1871 году стал первым председателем Рейхстага. – прим. автора).

После прихода Гитлера к власти та же газета писала:

«Германия будущего стоит перед совсем новыми задачами, и они могут быть решены только коренным образом обновленным народом. Создать этот народ, создать его в виде национальной общности, которая никогда еще не существовала на протяжении всей немецкой истории, это великое и, если оно предпринимается в правильном смысле, то поистине освобождающее задание национальных вождей». (1933, середина мая, специальный номер).

Господин Науман из VNJ заявил в 1934 году:

«Мы всегда ставили благо немецкого народа и отечества, с которым мы чувствуем себя неразделимо связанными, выше своего собственного блага. Поэтому мы приветствовали национальный подъем в январе 1933 года, несмотря на то, что он принес трудности для нас самих, так как мы видели в нем единственное средство устранить вред, причиненный на протяжении 14 лет немцами элементами».

Некий ортодоксальный раввин из Ансбаха также в 1934 году утверждал:

«Я отвергаю учение марксизма с еврейской точки зрения и объявляю себя сторонником национал-социализма, естественно, без его антисемитского компонента. Без антисемитизма национал-социализм нашел бы своих самых преданных сторонников в верных традициях евреев».

Как уже говорилось, естественно, это не были представления действительно значительного количества людей, но все же существовала и такая позиция – позиция, впрочем, которая вообще не устраивала национал-социалистов. Они не хотели, чтобы еврейские граждане согласились с их идеями и поддержали их, они хотели, чтобы евреи в как можно большем количестве исчезли из Германии.

В принципе, позиция сионистов соответствовала этой занятой национал-социалистами позиции. Они выступали за национально сознательное еврейство и по этой причине были против внутренней привязанности евреев к Германии.

Но они поддерживали национал-социализм, с которым их связывала одинаковая основная позиция: признание себя сторонниками собственного народа и государства.

В декабре 1935 года Георг Карески, председатель немецких государственных сионистов, дал в связи с «Нюрнбергскими законами» интервью сотруднику геббельсовского журнала «Der Angriff». Его оценка того, как были изложены отдельные вопросы в этих законах, была чрезвычайно положительной. Карески сказал, что Нюрнбергские законы исполняют старые сионистские требования. Так, например, разделение немецкого и еврейского народного духа и культуры, учреждение школ только для еврейских учеников, забота о специфически еврейской культуре и содействие ей и, прежде всего, государственный запрет смешанных браков, которые и без того не были допущены согласно иудейскому закону. («Der Angriff», 23 декабря 1935).

Интервью Карески не оставалось бесспорным также в еврейских кругах. Но были как ортодоксальные, так и, прежде всего, сионистские группы, которые соглашались с Карески.

Часть 4. Эмиграция

Сионистам будущее для евреев виделось только в собственной стране, тогдашней Палестине. Разумеется, также для них идея, что все евреи должны были покинуть Германию, была невообразимой. Они хотели в первую очередь привлечь к эмиграции более молодых евреев, которые могли бы выполнять тяжелую работу в Палестине. Для содействия своей идее они не только считали возможным сотрудничество между национал-социалистическим правительством и своей организацией, но и вообще видели в нем единственную реалистичную перспективу. И они оказались правы в своих прогнозах. С годами дело доходило до все более тесного и, для тех евреев, которые хотели эмигрировать в Палестину, весьма положительного сотрудничества.

Немецким ведомствам хотелось организовать и урегулировать эмиграцию как можно скорее. Как уже было сказано, еврейские группы и организации только по прошествии определенного времени были готовы рассматривать необходимость эмиграции.

Существовало три организации, занимающиеся еврейской эмиграцией, некоторые из них действовали в Берлине еще с начала двадцатого столетия.

Союз помощи немецким евреям был ответственен за эмиграцию во все страны за исключением Палестины. Он содержал многочисленных корреспондентов за границей, которые проверяли возможности переселения, поселения или

размещения немецких евреев и устанавливали контакты с тамошними еврейскими организациями, чтобы облегчить акклиматизацию новым иммигрантам.

Палестинское бюро занималось исключительно «Алией» – дословно: «подъем, восхождение», имеется в виду восхождение в Иерусалим как синоним переселения в Палестину. Его «клиентами» были преимущественно сравнительно молодые евреи, пригодные для тяжелой физической работы, которую влекло за собой поселение в Палестине.

Третьим учреждением было Главное ведомство по поддержке еврейских путешественников. Сначала под этим понимались евреи, которые находились в поездке по Германии. Позже обслуживание и возвращение немемецких евреев стало его основной задачей.

Национал-социалистическое правительство со своей стороны в значительной мере старалось содействовать эмиграции своего нежелательного еврейского населения. Это были, прежде всего, два соглашения, которые регулировали эмиграцию на государственном уровне: т.н. «соглашение Хаавара» и «соглашение Рабли-Вольтата».

Соглашение Хаавара (соглашение о перемещении) или просто «Хаавара» действовало с 1933 по 1941 и касалось эмиграции в Палестину. За прошедшее время это соглашение регулярно упоминалось в специальной литературе. Бывший директор Хаавара Вернер Файльхенфельд издал в 1972 году собственную брошюру об этом (Werner Feilchenfeld, Dolf Michaelis, Ludwig Pinner, Haavara-Transfer nach Palästina und Einwanderung deutscher Juden 1933-1939, Schriftenreihe wissenschaftlicher Abhandlungen des Leo Baeck Instituts 26, Tübingen 1972), но ее, очевидно, не прочло большинство тех людей, которые пишут о Хаавара, иначе они не публиковали бы об этом соглашении так много чепухи.

В отличие от соглашения Хаавара, соглашение Рабли-Вольтата замалчивается всеми. Оно касалось большинства эмигрирующих евреев, всех тех, которые ехали не в Палестину, а в какую-то другую европейскую или заокеанскую страну. Это было примерно две трети всех эмигрантов. К сожалению, соглашение действовало только восемь месяцев. Затем началась война, и урегулированной эмиграции пришел конец. Если мы здесь упоминаем его, то потому, что оно разъясняет намерения немецкого правительства, которые тогда были далеки от мысли об «уничтожении евреев».

Часть 5. Хаавара

Уже в феврале 1933 года первые делегаты из Палестины, представители выращивающей цитрусы фирмы «Nanotea Ltd.» обратились к немецкому правительству и попытались узнать, как можно было бы согласовать обоюдные интересы – с немецкой стороны: эмиграцию, с еврейско-палестинской стороны: иммиграцию евреев. Еврейская сторона пыталась добиться как можно более выгодных условий эмиграции, поскольку эти эмигранты должны были затем помогать Палестине. Немецкие власти в значительной степени согласились с еврейскими предложениями. И уже в мае 1933 года дело дошло до первых экономико-политических решений, которые затем в течение года привели к соглашению Хаавара. (Еврейское слово «Хаавара» произносится с ударением на последнем слоге и означает «перемещение», «трансферт» или «передача». В этом случае имелась в виду передача имущества и товаров. Под этим еврейским названием это соглашение вошло в немецкие документы).

Хаавара предусматривала следующее регулирование. Евреи, которые хотели эмигрировать в Палестину, могли внести свое имущество на один или несколько счетов двух определенных еврейских банков в Германии. Они могли внести его также в том случае, если они пока хотели оставаться в Германии, только думая о выезде, но еще не запланировав его твердо. Они могли свободно располагать этими деньгами сначала в пользу уже проживающих в Палестине еврейских поселенцев. Однако они могли также вкладывать деньги в Палестине. Они могли оплачивать даже свою собственную медицинскую страховку, которой они, возможно, могли бы воспользоваться, на срок до 10 лет вперед. Вместе с тем немецкие евреи получали права, которые были запрещены остальным немецким гражданам. Файльхенфельд пишет:

«Подготовка домашнего очага в Палестине для еще (...) оставшихся в Германии людей представляла необычное в рамках немецкого валютного регулирования нарушение запрета немцам на инвестиции за границей».

В соглашение Хаавара было включено, в сотрудничестве с одним бюро путешествий в Тель-Авиве, также соглашение о кредитах на путешествия, с помощью которого немецкие евреи могли предпринимать ознакомительные поездки в Палестину перед своей эмиграцией и на месте узнавать там о возможностях для себя жить и работать. Они для этого вносили свою плату за расходы в рейхсмарках и получали в Палестине чеки на все причитающиеся расходы. Также это было исключительным порядком, так как во время режима валютных ограничений заграничные поездки обычно не были возможны для немцев. (Групповые поездки с организацией KdF («Сила через радость») рассчитывались путем клиринга).

Если приходило время, когда они хотели эмигрировать, то они получали от «Дойче Банка», по соответствующей рыночной стоимости, необходимые так

называемые «деньги для предъявления» – 1000 палестинских фунтов (соответствовали английскому фунту стерлингов) в валюте. Такое распределение валюты представляло собой при тогдашних валютных предписаниях очевидное исключение, которым пользовались только эмигрирующие еврейские граждане, как это подчеркивает израильский историк Аврахам Баркай в своем исследовании «От бойкота до деиудизации» (Avraham Barkai, Vom Boykott zur "Entjudung". Der wirtschaftliche Existenzkampf der Juden im Dritten Reich 1933-1943, Fischer #4368, Frankfurt 1988). Эти деньги они должны были предъявлять при въезде в Палестину. В одной появившейся несколько лет назад работе это представляется таким образом, как будто бы они этой тысячей фунтов должны были оплачивать въездную визу. Это полный вздор. Деньги принадлежали им, и они должны были, предъявляя эти деньги, только доказать, что они были в состоянии питаться сами и строить себе новую жизнь, и тем самым не стали бы обузой для еврейской общины в Палестине.

Остаток денег оставался в их распоряжении на их счету Хаавара. При эмиграции они могли брать с собой ее всю домашнюю обстановку, а также машины, станки и инструменты для профессиональных занятий или для начала новой профессиональной жизни, и все остальное, что было им нужно для нормальной жизни. Распространявшийся на всех остальных немецких граждан тогда «Reichsfluchtsteuer» («налог на бегство из Рейха») – это был введенный рейхсканцлером Генрихом Брюнингом в 1931 году налог, который должен был заплатить каждый немецкий гражданин, который хотел покинуть Германию навсегда – эмигрирующие по линии Хаавара евреи не должны были оплачивать.

Счетами Хаавара оплачивались товары, которые импортировали палестинские купцы из Германии. В Палестине иммигранты получали эквивалент в домах, земельных участках, цитрусовых плантациях или также весь кредит выплаченный наличными деньгами. Благодаря дополнительному соглашению также купцы из Египта, Сирии и Ирака могли через Хаавара финансировать импорт из Германии.

Имелся ряд дополнительных положений и следующих льготных условий. В том числе те, что все доходы в виде ранее полученных пособий и льгот по социальному обеспечению и пенсии переводились эмигрировавшим в Палестину евреям без всяких вычетов.

Также проживающие в Палестине евреи могли через Хаавару отправлять деньги родственникам и друзьям в Германии.

«Плательщики таких взносов вносили при Хаавара эквивалент в палестинской валюте по удешевленному курсу в пользу людей, которых они хотели финансово поддержать в Германии. Получатель поддержки получал тогда эквивалент в рейхсмарках через «Paltreu» в Берлине. Эта система частного клиринга

платежей поддержки в Германию развивалась с 1937 до всемирной организации, заданием которой было проводить иностранные платежи поддержки евреям в Германии из всех стран и использовать поступающую валюту для трансферта еврейского капитала в Палестину».

(«Paltreu» был своего рода филиалом Хаавара, занимавшийся трансфертом имущества в соответствии с предписаниями Хаавара. Руководство как Хаавара, так и «Paltreu» состояло из евреев. – прим. автора).

Советник Рейхсбанка Вальтер Утермёле, тогдашний руководитель имперского ведомства валютного регулирования в имперском министерстве экономики, сообщал о другом виде клиринга.

«Наряду с этим был сделан возможным клиринг между эмигрирующими евреями и (...) возвращающимися из-за границы немцами. Если, например, немец не мог продать дом или бизнес (из-за бойкота за границей) и находил в Германии еврея, который владел похожими имущественными ценностями, то выдавалось разрешение на обмен, при котором ни одна из сторон не могла получить неоправданную прибыль». (Письмо читателя в «Deutsche Wochenzeitung», 16.12.1977).

Помимо официальных определений, которые касались большинства евреев, было еще огромное количество единичных случаев, которые могли регулироваться через Хаавара в пользу эмигрирующих.

Очень большое преимущество предлагала Хаавара для малообеспеченных евреев, которые не могли бы сами из своих средств достать ту тысячу фунтов, которую нужно было предъявить иммиграционным властям при въезде в Палестину. Они могли легко получить через Хаавара кредит, которые они должны были вернуть только спустя годы. Кроме того, издержки трансферта для этих людей снижались на 50%. Вследствие этого практически каждому еврею в Германии было возможно эмигрировать в Палестину – если он хотел.

Соглашение Хаавара, или выражающееся там положительное отношение немецкого правительства к содействию еврейской эмиграции, воодушевляло также некоторых немецких ответственных чиновников на действия на грани законности. Рольф Фогель, бывший боннский еврейский корреспондент и издатель «Сообщений из Германии» («Deutschlandberichte»), которые были посвящены немецко-еврейскому взаимопониманию, сообщает в своей книге «Штемпель отсутствовал» (Rolf Vogel, Ein Stempel hat gefehlt. Dokumente zur Emigration deutscher Juden, München, 1977) следующее: «Многочисленны были отдельные мероприятия по оказанию помощи по ту сторону законности, прежде всего, тогда, когда те или иные евреи не хотели ехать именно в Палестину, и по-другому им нельзя было помочь. Так случалось, что евреи должны

были продавать свои предприятия и теряли доход, так как они не могли переводить его в валюту. Чтобы предотвратить это, чиновники предлагали ряду еврейских владельцев сначала для видимости не эмигрировать, а работать за границей в качестве представителей для их старого предприятия. С помощью высокого комиссионного сбора и получения доли от выручки еврейские купцы могли тогда получать за границей часть своих потерянных средств в валюте.

Другим трюком трансферта, который тоже иногда помогал с ведома и благосклонности чиновника валютного ведомства, был денежный трансферт через участковый суд: Кто-то сдавал участковому суду конверт с распоряжением 'Моя последняя воля'. Затем данное лицо эмигрировало и через несколько месяцев просило через иностранные судебные органы послать ему его последнюю волю – конверт с деньгами и ценными бумагами – вслед за ним за границу.

Настолько же безупречно функционировал время от времени денежный трансферт посредством газетной рекламы. Еврей давал объявления, к примеру, из Цюриха в газете 'Völkischer Beobachter': 'Ищем представителя'. Затем он просил кого-то в Германии переслать набитые деньгами или акциями конверты под указанным шифром газете 'Völkischer Beobachter', которая затем пересылала собранные письма дальше в Цюрих».

В определенном объеме Хаавара способствовала развитию немецкой внешней торговли.

Разумеется, этот момент едва ли был существенным фактором при решении об этом соглашении, как это иногда интерпретируют.

В целом не следует переоценивать последствия для немецкой экономики. Потребление товаров одной общины численностью от 200 000 до 300 000 человек – а больше людей «ишув» (еврейская община Палестины) в то время не охватывал – и это потребление было ограничено, кроме того, еще определенными продуктами, едва ли могло оказать существенную экспортную помощь 60-миллионному народу. Кроме того, за продажи в Палестину не поступала никакая валюта, но они оплачивались немецкими деньгами со счетов Хаавара. Также Файльхенфельд подчеркивает, что стимулирование экспорта с помощью соглашения Хаавара не означало настоящего преимущества для Германии, так как «Хаавара не приносила Германии никаких валютных доходов».

Для Палестины, напротив, соглашение Хаавара влекло за собой неизмеримые преимущества. В изданной Файльхенфельдом брошюре доктор Людвиг Пиннер, бывший член совета директоров Общества Хаавара, неустанно поет хвалебную песню этому соглашению.

«Палестина была вплоть до начала тридцатых годов, по существу, аграрной страной, на примитивной степени развития». Только прибывающие из Германии иммигранты глубоко изменили «экономическую структуру и общественную форму ишува и внесли решающий вклад в его развитие. При их участии и влиянии промышленное производство удвоилось, техника была модернизирована, и производимые товары постепенно по ассортименту и качеству приблизились к европейскому уровню». «Деятельность немецких евреев как промышленников и инвесторов имела решающее значение для этого процесса, который вывел экономику ишува из доиндустриальной и докапиталистической фазы». Ее влияние «на развитие еврейской Палестины нашло свое выражение, тем не менее, не только в экономической и общественной сфере; оно было также важно в культурной области, в области науки и искусства. Современное оснащение больниц, которое сделал возможным трансферт, превратило Палестину в медицинский центр высшего уровня». «Использование этих людей в исследовательских учреждениях и учебных заведениях, в экономике и управлении, в общественной жизни и в оборонительной организации имело безграничное значение для подготовки ишува к судьбоносным заданиям, которые предстояли ему».

Деньги «капиталистов», которые благодаря соглашению Хаавара могли практически неограниченно иммигрировать в Палестину, делали возможными также переселение туда рабочих.

«Палестина как строящаяся страна может принимать новых, ищущих работу иммигрантов пропорционально тому, как новые возможности получения работы создаются проникающим капиталом и предприимчивостью», заявил доктор Георг Ландауэр, руководитель немецкого отделения Еврейского агентства (Jewish Agency) и член Совета директоров («Board of Directors») Хаавара, в беседе с «Еврейским обозрением». Однако существует опасение, что зажиточные евреи с их капиталом переселяются в другие страны, а в Палестину прибывают только бедные евреи. Ландауэр предостерег: «Переселение работников никак не может происходить без переселения работодателей». («Еврейское обозрение», 18.02.1936).

Часть 6. Сопrotивление против Хаавара: с еврейской стороны

Вопреки совершенно позитивному для евреев и для Палестины аспекту соглашения Хаавара сопротивление против него с еврейской стороны было значительным. Эту бессмысленную грызню в «еврейском тылу» подробно описывает Эдвин Блэк в своей книге «Соглашение о трансферте» (Edwin Black, *The Transfer Agreement. The untold story of the Secret Agreement Between the Third Reich and Jewish Palestine*, New York/London 1984). Сам тот факт, что между

Третьим Рейхом и сионистской организацией существовало соглашение, полезное для Израиля, кажется Блэку непонятным и непростительным, и он обвинял связанные с этим соглашением еврейские структуры в «соучастии с нацистами». Это тем более непонятно ввиду того, что Блэк убежден, что все оставшиеся в Германии евреи пали жертвой Холокоста.

Еврейские организации во всем мире сожалели о нарушении бойкота против Германии со стороны своих же людей. Преимущества для эмигрирующих из Германии евреев ничего не стоили для них в сравнении с предательством теми общеврейских интересов.

Но также и в самой Палестине возникали трудности. Монопольное положение Хаавара в сфере импорта немецких товаров возбуждало зависть палестинских купцов, которые считали, что это угрожает их собственному бизнесу. В первую очередь молодая еврейская промышленность в Палестине, которая стремилась к сбыту собственных товаров, бунтовала против импорта лучших и более дешевых вещей из Германии. Хаавара должна была уступить, наконец, требованиям еврейских предпринимателей и ввела приостановку импорта для определенных товаров. Она гарантировала вследствие этого защиту «Тоцерет-Хаарец» (защита для местных продуктов). Ловкие предприниматели умело лавировали между разными возможностями и использовали их к своей выгоде. Случалось, что какое-то предприятие сначала приобретало себе свой машинный парк с помощью Хаавара, а затем использовало для произведенных на этих же машинах товаров защиту «Тоцерет-Хаарец». Вследствие этого спрос на товары в стране сокращался, как и возможности трансферта лежащих на счетах Хаавара денег.

«Еврейское обозрение» однажды выразило сожаление из-за этого поведения, свидетельствующего об отсутствии солидарности с немецкими евреями:

«При переезде евреев из Германии в Палестину, а также при переводе средств на еврейские фонды вопрос трансферта играет в финансово-техническом плане важную роль. Без трансферта капитала крупномасштабная эмиграция невозможна. (...) Если в палестинской общественности все же снова и снова доходит до обсуждений этого вопроса, то причиной этого может быть частично незнание реального контекста, и частично влияние заинтересованных лиц, которые охотно хотели бы исключить конкуренцию Хаавара по экономическим или другим причинам». (12.11.1935).

Часть 7. Соппротивление против Хаавара: с немецкой стороны

Соглашение Хаавара также в немецких структурах отнюдь не всегда встречало полное одобрение. В действительности оно означало не только значительную нагрузку для немецкого валютного бюджета, но приносило нам также политические убытки. Немецкий генеральный консул в Иерусалиме Ганс Дёле (в других источниках его имя указано как Вальтер Дёле – прим. перев.) подчеркивал в исследовании от 22 марта 1937, что немецкое правительство из-за соглашения Хаавара «поставило все точки зрения, которые в других странах служат мерилем для соблюдения немецких интересов, на второй план» за «содействием еврейской эмиграции из Германии и поселением эмигрировавших евреев в Палестине». Укрепление еврейской экономики, которую мы «только и сделали возможной путем облегчения возможности пересадки немецко-еврейских промышленных предприятий в Палестину», должно оказывать на мировом рынке вредное для нас воздействие. Дёле подчеркивал, что «враждебность палестинских евреев к немецкой народной общности проявляется при каждом случае».

Великобритания чувствовала себя ущемленной из-за импорта немецких товаров на ее подмандатную территорию и начала нападки на Германию в английской прессе. Согласно исследованию Дёле, отрицательный баланс соглашения Хаавара выглядел следующим образом:

1. Потеря валюты из-за экспорта товаров без дохода в валюте.
2. Благодаря созданию еврейской экономики укрепление антинемецкого еврейского влияния в Палестине.
3. Направление немецкого импорта в Палестину через Еврейское агентство (Jewish Agency) без учета немецких коммерческих интересов.
4. Недовольство проживающих в стране арабских и немецких купцов, которые могут заключать сделки с Германией только лишь через Еврейское агентство.
5. Раздражение британского мандатария, который считает, что немецкие конкуренты угрожают его привилегированному положению.

Скепсис Дёле не был неоправдан, если подумать о том, что он должен был ежедневно на месте испытывать антинемецкие выпады и одновременно осознавал, как многим эта страна была обязана немецким иммигрантам. Палестина была подобна зверю, кусающему руку, которая кормит его. Враждебное отношение евреев Палестины к Германии выразилось на многих уровнях. Так, например, на шествии в честь иудейского праздника Пурим Германия была представлена в образе ядовито-зеленого усеянного свастиками, огнедышащего дракона, а табличка требовала защиты «Тоцсет-Хаарец» и бойкота немецких товаров.

Вопреки всем этим сомнениям, Адольф Гитлер снова решил, что еврейской эмиграции нужно содействовать всеми средствами, и об отмене соглашения Хаавара не могло быть и речи.

Трансферт имущества по линии Хаавара был возможен также после начала войны, с подключением нейтральных стран. Только в декабре 1941 года, когда США вступили в войну, связи были разорваны.

Реализация соглашения Хаавара в Германии лежала в руках обоих еврейских банков: Варбурга в Гамбурге и Вассермана в Берлине. К моменту окончания войны суммы Хаавара еще находились на счетах. Они были конфискованы немецким правительством как вражеское имущество и после 1945 года были выплачены назад собственникам в полном объеме.

Часть 8. Эмиграция и СС

Среди немецких учреждений – наряду с имперским министерством экономики – парадоксальным образом именно СС и их учреждения активно поддерживали еврейскую эмиграцию и содействовали ей.

СС с самого начала старались оказывать влияние на немецкую политику по отношению к евреям. Они рекомендовали содействовать еврейской массовой эмиграции, предостерегали, однако, одновременно от того, чтобы оказывать давление на тех евреев, которые чувствовали себя в первую очередь немцами и лишь потом евреями. Сначала нужно пробудить в них еврейское сознание и понимание самих себя как евреев. Это должно было происходить с содействием еврейских культурных учреждений. Лишь почувствовавший собственную идентичность еврей был бы также готов покинуть Германию и уехать на будущую еврейскую родину.

Этими предпосылками определялись все мероприятия по содействию и защите, которые СС и Гестапо осуществляли по отношению к еврейским учреждениям. Как ни странно это звучит, но в то время Гестапо был адресом, по которому обращалось много евреев, если какие-то другие немецкие органы власти причиняли им ущерб, или если они нуждались в какой-то иной помощи. Когда, например, во время так называемой «Хрустальной ночи» в ноябре 1938 года пострадало также еврейское бюро эмиграции на берлинской улице Майнекештрассе, то именно СС отправили туда своих людей для наведения порядка и приложили все силы, чтобы бюро как можно скорее снова могло работать.

Что-то вроде пропагандистского сочинения, агитирующего за эмиграцию в Палестину, уже в 1934 году написал Леопольд Эдлер фон Мильденштайн, позднее референт СС по еврейским вопросам. Мильденштайн в 1934 году поехал

в Палестину и пробыл там полгода. Рассказ о его путешествии под заголовком «Нацист едет в Палестину» публиковался по частям в журнале Геббельса «Der Angriff» (26 сентября – 9 октября 1934). Рассказ написан очень живо и наглядно и дает интересную картину ситуации на английской подмандатной территории и политических течений в Палестине в начале тридцатых годов. Еще сегодня он заслуживает прочтения. Мильденштайн опубликовал этот рассказ под псевдонимом «Lim», первые три буквы его имени, прочитанные «по-еврейски» справа налево. (В некоторых русскоязычных источниках Мильденштайна ошибочно называют бароном. – прим. перев.)

Леопольд Эдлер фон Мильденштайн в Палестине, 1933 г.

СС и Гестапо участвовали в учреждении и финансировании лагерей переквалификации, которые были между тем организованы Сионистской организацией во всей Германии. Здесь, прежде всего, молодые евреи должны были обучаться сельскохозяйственным и ремесленным профессиям и подготавливаться к абсолютно другой жизни в Палестине. Иногда СС даже предоставляли в распоряжение землю для учреждения таких лагерей. Фрэнсис Никосия приводит в своей книге «Третий Рейх» карту с состоянием на август 1936 года, на которой отмечены 40 таких учреждений, которые простираются на всю империю, с крайнего севера (Фленсбург или Гут-Лобиттен, округ Кёнигсберг / Восточная Пруссия) до самого юга, около швейцарской границы (Гут-Винкельхоф).

Памятная монета, отчеканенная в честь поездки фон Мильденштайна в Палестину («Нацист едет в Палестину. И рассказывает об этом в «Ангриффе»».)

Также в Австрии, тогдашнем Остмарке (Восточной марке), были организованы такие лагеря переквалификации после присоединения Австрии к Рейху («аншлюса»). Адольф Эйхман, руководитель венского «Главного учреждения по еврейской эмиграции», лично принимал активное участие в их организации. Он также позже энергично содействовал нелегальной эмиграции вместе с Моссад (см. ниже). Иногда подразделения СС эскортировали группы еврейских эмигрантов через границу и заботились о том, чтобы они смогли беспрепятственно перейти границу. Ханна Арендт полагала, что замечание Эйхмана перед Иерусалимским трибуналом в 1960 году, что он, мол, спас сотни тысяч еврейских жизней, полностью соответствовало фактам, даже если в зале судебного заседания его и восприняли со злым смехом.

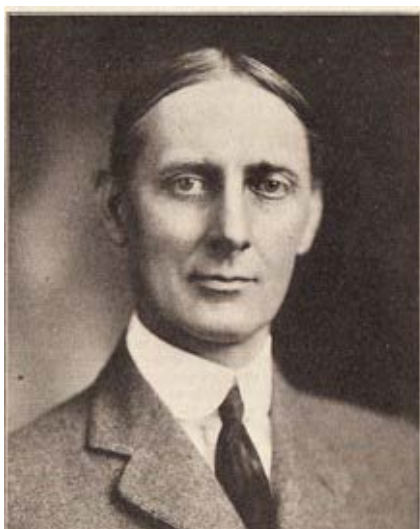

Адольф Эйхман

Часть 9. Соглашение Рабли-Вольтата

Соглашение Хаавара относилось исключительно к эмиграции в Палестину. Второе государственное урегулирование, соглашение Рабли-Вольтата, касалось эмиграции в другие страны и вместе с тем затрагивало большинство эмигрирующих евреев. Как и в Палестине, доказательство финансовой независимости требовалось также в других странах, что влекло за собой значительные проблемы для Германии. Ведь Немецкий Рейхсбанк был вынужден для эмиграции предоставлять в распоряжение большое количество уже и без того дефицитной валюты. По этой причине многие страны приостановили иммиграцию евреев.

Эта проблема была темой международной конференции по вопросам беженцев, которая заседала летом 1938 года на французском курорте Эвиан-ле-Бен на Женевском озере. Представители 32 государств собрались с 6 до 15 июля в отеле «Руаяль» для совместных обсуждений возможностей помощи немецким евреям. Все участники конференции были единодушны: Они осуждали господствующий в Германии антисемитизм, они были полны сочувствия к бедным евреям, которых изгоняли с их родины, они принимали резолюции, что непременно необходимо найти места, в которых могли бы поселиться евреи. Но каждый отдельный оратор подчеркивал, что как раз его страна, к сожалению, не могла бы помочь им, приняв большее количество иммигрантов.

Джордж Рабли

В конце концов, единственным результатом конференции было учреждение «Межгосударственного комитета», который разместился в Лондоне. Президентом его стал вашингтонский адвокат Джордж Рабли.

Рабли с самого начала пытался вступить в контакт с немецким правительством. Эти усилия, которые поддерживали немецкий посол в Лондоне Герберт фон Дирксен и руководитель политического отдела министерства иностранных дел Эрнст Вёрманн, многие месяцы успешно торпедировал тогдашний государственный секретарь в министерстве иностранных дел Эрнст фон Вайцеккер, отец бывшего немецкого федерального президента. Об этом есть подробные записи в немецких архивах.

Эрнст фон Вайцеккер

Гельмут Вольтат

Вайцеккер передал Рабли, что тот не должен питать надежду на какое-либо сотрудничество немецкой стороны. Он снова и снова отвергал попытки других дипломатов, которые хотели помочь Рабли установить прямой контакт с немецкими властями. Он даже запретил германскому посольству в Лондоне как-либо реагировать на попытки Рабли завязать контакты, или даже только упоминать о них в своих донесениях в Берлин. Он осведомлялся у британского временного поверенного в делах в Берлине, являлся ли Рабли вообще арийцем. Когда Рабли хотел по собственному почину поехать в Берлин, Вайцеккер резко отверг это предложение, так как это, по его мнению, в этом не было бы никакого смысла.

Наконец, Гитлер окольным путем узнал о самоуправстве Вайцеккера и немедленно вызвал к себе президента Рейхсбанка Ялмара Шахта. Гитлер поручил Шахту разработать план финансирования, который сделал бы возможной эмиграцию еще живущих в Германии евреев. Шахт составил проект предложения, и Гитлер в середине декабря 1938 года послал его вместе с этим проектом в Лондон для переговоров с Рабли и другими лицами.

Ялмар Шахт

После войны Шахт представил это так, как будто бы этот план и поездка в Англию были его идеями, которые ему с трудом пришлось внушить Гитлеру. Документы тех времен доказывают обратное. После его возвращения из Лондона в берлинской газете BZ за 19 декабря 1938 появилась инициированная им заметка: «Переговоры Шахта в Лондоне, цели поездки». Министерство иностранных дел отреагировало на это сообщение кисло, и Вайцзеккеру было поручено потребовать от Шахта объяснений. Это произошло в телефонном разговоре 20 декабря 1938 года, о чем Вайцзеккер написал докладную записку. В ней говорится, что Вайцзеккер спросил Шахта о том, существует ли поручение фюрера, или же сам Шахт инициировал это газетное сообщение.

«Президент Шахт сразу признал, что статья исходит от него. Речь идет о поручении фюрера, которое он, президент, выполнил в предоставленных ему рамках в Лондоне. Фюрер после его возвращения ждет от него доклада. Поэтому он, Шахт, теперь договорился о визите к фюреру для доклада, и надеется, что сможет сделать этот доклад через один или два дня, а после этого немедленно также явится к господину имперскому министру (Риббентропу) для доклада. Но до того, как он сделает доклад фюреру, он не хотел бы высказываться больше по этому вопросу».

На поздние воспоминания Шахта об этой фазе его деятельности, очевидно, повлияли последующие исторические события и затуманили их. Он представил произошедшее абсолютно иначе, чем это доказывают документы.

Во всяком случае, план Шахта был в 1938 году принят Межгосударственным комитетом как база для дискуссий. В январе следующего года Рабли, обойдя министерство иностранных дел, был приглашен в Берлин. Он вел переговоры там сначала с Шахтом, затем с министриальдиректором Геринга Гельмутом Вольтатом. Четыре недели спустя было подписано соглашение Рабли-Вольтата.

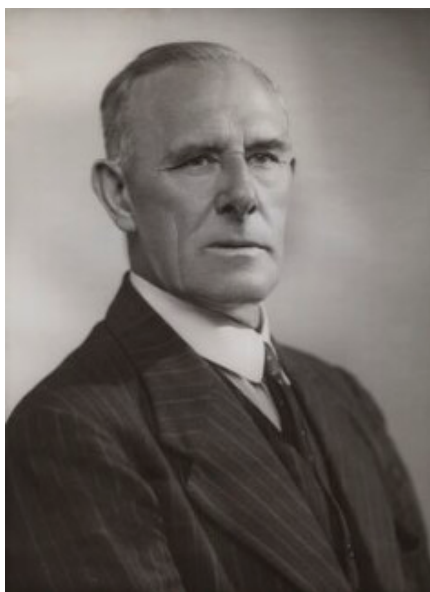
Основная идея этого соглашения была следующей. Под международным наблюдением должен был быть создан целевой фонд опеки, в который было бы вложено 25% от находящегося в Германии еврейского имущества. Иностранные кредиторы должны были бы со своей стороны оказывать помощь эмиграции, и имперское правительство возвращало бы им эти кредиты с 20 ежегодными взносами в иностранной валюте. Таким образом, каждый эмигрант должен был получить минимальный капитал для начала самостоятельной жизни за границей кроме необходимых «денег для предъявления». Сначала должны были эмигрировать 150 000 работоспособных евреев, члены семей которых должны были последовать за ними позже. Рабли или Межгосударственный комитет хотели подыскать страны, в которые могли бы иммигрировать евреи. Все евреи старше 45 лет должны были получить право оставаться в Германии и не подвергались бы дискриминациям. Ограничения на проживание и работу для этих евреев должны были быть отменены.

Текст меморандума о достигнутом между Рабли и Вольтатом соглашении официально считался договором. Этот меморандум Рабли написал после своего возвращения в Лондон и послал Вольтату. Тем не менее, Вайцзеккер отказывался парафировать соглашение, так как министерство иностранных дел не было включено в переговоры – чему он помешал сам.

Затем Герман Геринг передал текст Адольфу Гитлеру, который однозначно поддержал соглашение. Рабли, со своей стороны, представил текст международной комиссии, состоявшей из представителей правительств тридцати государств. Эта комиссия поручила Рабли сообщить Вольтату, что эти страны с интересом приняли к сведению достигнутое между ними соглашение, и что они сделают все, чтобы в значительной степени содействовать эмиграции евреев из Германии на основе этого соглашения. На практике, конечно, ситуация с содействием выглядела затем иначе, но причиной этого не были иницируемые немецкой стороной соглашения.

После успешного окончания переговоров 72-летний Рабли оставил пост директора Межгосударственного комитета в связи с возрастом.

В Англии было основано финансирующее общество со стартовым капиталом в один миллион долларов. В Соединенных Штатах еврейские банкиры взяли на себя обязательство внести достаточные средства, чтобы гарантировать реализацию каждого отдельного проекта поселения. Новый директор Межгосударственного комитета сэра Герберта Эмерсона был убежден, что эмиграция евреев гарантирована и через 3 – 5 лет может быть закончена.

Сэр Герберт Уильям Эмерсон

В январе 1939 года в Берлине было основано «Имперское центральное бюро по вопросам еврейской эмиграции». Его работа базировалась на соглашении Рабли-Вольтата. Оно тесно сотрудничало с еврейским «Имперским объединением евреев», чтобы упростить осуществление эмиграции.

Работа сначала шла медленно, так как большинство стран отказывались принимать еврейских иммигрантов. Но благодаря соглашению Рабли-Вольтата, по крайней мере, был устранен финансовый барьер. Рабли позже так говорил об этом времени:

«Немцы выполняли все свои обязательства (...) В течение месяцев между моим отъездом из Германии и началом войны в Германии преследований евреев практически не было. Некоторые уезжали, а у остальных жизнь в Германии стала легче. Я получил множество писем из Германии, в которых евреи (...) выражали мне свою благодарность за то, что я сделал для них».

Однако с началом войны шансы для эмигрантов найти страну, куда они могли бы выехать, становились все меньше. Кроме того, английская блокада заблокировала использованный до тех пор морской маршрут. Палестина была практически закрыта из-за введения Англией ужесточенных условий переселения.

Пути эмигрантов с этого момента проходили преимущественно по суше, например, через Грецию и Турцию. Еврейская газета «Jüdisches Nachrichtenblatt» опубликовала в своих номерах от 18 и 21 июня 1940 авантюрный маршрут «через Йокохаму в Америку». Географическая карта показывала новые маршруты путешествия: Берлин – Варшава – Москва – Чита – Шанхай – Йокохама

– Сан-Франциско/Лос-Анджелес. Отсюда либо в восточном направлении в Чикаго – Нью-Йорк, либо на юг: Мехико – Панама – Сантьяго. Немецкое правительство предлагало эмигрантам с действительной визой путь через оккупированную Францию в Испанию и Португалию, откуда они могли бы плыть на корабле в ту страну, которая готова была принять их («Jüdisches Nachrichtenblatt», 10.12.1940).

То, что эмиграция также после начала войны, даже если и в меньшем объеме, все равно продолжалось, объяснялось, во-первых, международными связями евреев, которые в многочисленных единичных случаях могли использоваться ими с фантазией и изобретательностью, во-вторых, содействующей помощью немецких служебных инстанций и, наконец, в-третьих, одним учреждением, которое позже стало использоваться для совсем других заданий, «Моссад ле-Алия Бет».

Часть 10. Моссад ле-Алия Бет и нелегальная иммиграция

«Моссад ле-Алия Бет» дословно означает: «Бюро для второй иммиграции». Под этим понималась нелегальная иммиграция в Палестину. Из этого учреждения позже развилась израильская разведка «Моссад». Это бюро было основано уже в 1937 году в Париже евреями из Палестины. Необходимость его создания следовала из британской политики в Палестине. Англичане выдавали только ограниченное количество сертификатов на переселение, во всяком случае, гораздо меньше, чем существовало евреев, которые хотели иммигрировать в Палестину.

Иммигранты в соответствии с их имущественным положением, профессией и сословием делились на определенные категории, и сертификаты распределялись на эти категории, в зависимости от желательности иммиграции. Итак, если вам не повезло, и вы принадлежали к категории, которую власти подмандатной территории не считали необходимой, то вы не могли рассчитывать на визу.

С 1932 по 1945 год иммигрировать могли следующие категории:

Категория А. Люди с собственным имуществом

A1: Капиталисты с собственным капиталом в 1000 LP (палестинский фунт).

A2: Представители свободных профессий с 500 LP, если экономическое положение, по мнению иммиграционных властей, оправдывает их иммиграцию.

A3: Ремесленники с как минимум 250 LP.

A4: Пенсионеры с минимальной пенсией 4 LP ежемесячно.

A5: Люди, которые обладают «редкой», слабо представленной в стране профессией, с капиталом, как минимум, 500 LP.

Категория В: Люди с гарантированными средствами к существованию

B1: Сироты младше 16 лет, средства к существованию которым обеспечиваются общественными учреждениями.

B2: Люди религиозных профессий.

B3: Студенты и школьники, средства к существованию которых гарантированы вплоть до того времени, когда они начнут профессионально работать.

Категория С: Рабочие сертификаты

Для рабочих от 18 до 35 лет. Количество этих сертификатов определялось правительством Палестины два раза каждый год.

Категория D была оставлена за женами, детьми и родителями живущих в Палестине евреев, если те могли подтвердить, что они могут позаботиться о средствах к существованию для своих близких.

Затем еще была категория «**Молодежная Алия**» для молодых людей в возрасте от 15 до 17 лет.

Можно понять, что еврейскими руководителями овладел гнев из-за такой каталогизации еврейских граждан по принципу их потенциальной пользы. Тем более что мандат на Палестину от 24 июля 1922 года требовал от Англии значительно облегчить и поддерживать еврейскую иммиграцию – при соблюдении прав других этнических групп в стране. Поэтому они с самого начала искали пути, как можно было обойти эти предписания и организовать транспорты евреев в Палестину нелегальными – с британской точки зрения – способами.

17 мая 1939 года британцы опубликовали новую Белую книгу, с которой условия иммиграции вновь были ужесточены.

Сотрудники Моссад с 1937 года организовали во всех странах Европы свои офисы и также сразу установили контакт с берлинскими служебными инстанциями, прежде всего, с СС и Гестапо. С тех пор началось оживленное сотрудничество между Гестапо и Моссад.

В соответствии с их принципиальным отношением к еврейской эмиграции СС и Гестапо разными путями помогали агентам Моссад. В декабре 1938 года Генрих Гиммлер отдал приказ освободить еврейских заключенных из концентрационных лагерей, если они хотят подготовить свою эмиграцию. Более того, агентам Моссад было разрешено ездить по лагерям и вербовать там евреев, которые были готовы на нелегальных судах эмигрировать в Палестину. Тогда ничего не мешало их освобождению. Кимхе (Jon und David Kimche, Des Zornes und des Herzens wegen. Die illegale Wanderung eines Volkes, (английский оригинал назывался «The secret Roads»), немецкое издание – Берлин, 1956) пишет:

«Так как он (Пино, уполномоченный Моссад) дал Гестапо гарантию, что он позаботится об их немедленной эмиграции, Пино смог освободить большое количество молодых евреев из концентрационных лагерей. Подписанного им свидетельства хватало, чтобы добиться их освобождения».

Так как маршрут в Палестину был неофициальным, эмигранты нуждались в визах других стран, например, при проверках в портах, в которые суда должны были заходить по пути. Гестапо помогало им в этом так же, как в фрахтовании подходящих кораблей, и даже расходы частично тоже брало на себя. В 1939 году многочисленные корабли шли из Европы в Палестину и нелегально привозили тысячи иммигрантов в страну.

Сотрудничество между Моссад и Гестапо не прекратилось также после начала войны, а даже еще больше усилилось. Но эмиграционные документы часто выдавались для выезда в другие страны, и эмигрантам приказывали, чтобы они ничего не рассказывали об истинной цели путешествия. Без помощи СС и Гестапо и без молчаливого попустительства немецких властей работа Моссад не была бы возможна.

Еще до начала войны, летом 1939 года, планировалось отправить морем за один раз десятки тысяч евреев из немецких портов в Палестину. Но прежде чем суда могли выйти в море, началась война, и англичане заблокировали Ла-Манш.

Часть 11. Предложения «Иргун»

Этот план снова подхватил два года спустя, летом 1941 года, Авраам Штерн, в то время один из руководителей «Иргун», еврейской антибританской национально-освободительной организации сопротивления. Он обещал немцам помощь в борьбе против Англии и предложил в качестве ответной услуги отправить прямо сейчас, в разгар войны, на судах десятки тысяч евреев из Германии. Он считал, что немецкие корабли могли бы прорвать английскую блокаду

и доставить евреев в Палестину. И как только эти евреи были бы там, англичане больше не смогли бы вернуть их обратно.

Авраам Штерн

Попало ли это предложение когда-нибудь по правильному адресу, спорно, так как высланные Штерном посредники были позже арестованы в Сирии. Во всяком случае, Берлин должен был посчитать безнадежным прорыв морской блокады. У конвоя судов с гражданскими лицами, прежде всего, также с женщинами и детьми, едва ли были бы шансы добраться до Палестины без потерь. За это немецкое правительство не смогло бы взять на себя ответственность.

Это была уже вторая попытка контакта, которую предпринял Штерн. На полгода раньше, в январе 1941 года, «Иргун» уже попробовал установить контакт с немецким правительством.

(Полное название звучало «Иргун Цвай Леуми» – «Национальная военная организация». Авраам Штерн, правда, еще в сентябре 1940 года отделился от «Иргун» и создал собственную группу «Лехи» («Lochamei Cherut Israel» = «Борцы за свободу Израиля»). Но в первые месяцы после отделения он еще пользовался старым названием, так как считал себя представителем настоящей, «законной» организации «Иргун». – прим. автора).

В письме группа Штерна сделала немцам предложение бороться на немецкой стороне против Англии, а именно, как в Палестине, с помощью саботажа и шпионской деятельности, так и за границей. В качестве ответной услуги она требовала «признания (...) национальных стремлений еврейского освободительного движения со стороны германского имперского правительства» и формирования еврейской бригады («военной подготовки и организации еврей-

ской мужской силы Европы, под руководством и командованием НВО, в военные части и их участия в боевых действиях с целью захвата Палестины, если соответствующий фронт будет образован»). (Полный текст этого исторического документа см. в приложении).

Это письмо было отправлено, очевидно, в то же время, когда два отправленных Штерном агента объявились у Вернера Отто фон Хентига в Бейруте. Хентиг был дипломатическим советником в министерстве иностранных дел и находился в начале 1941 года в командировке на тогдашней французской подмандатной территории. Беседа должна была иметь похожее содержание, как и письмо, так как Хентиг пишет об этом:

«В Бейруте я (...) поселился в 'Отеле Монополь'. (...) Самая странная делегация пришла ко мне из самой Палестины. Ее руководитель, превосходно выглядящий молодой человек, похожий на офицера, вызвался сотрудничать с национал-социалистами против собственных людей, прежде всего, против ортодоксальных сионистов, если бы Гитлер гарантировал им автономию еврейской Палестины».

«Однако я в ответ на предложение еврейской делегации о союзе мог сказать ей только то, что поставленное ею условие определенно никогда не сможет быть принято, учитывая наших арабских друзей и наши общие принципы».

Вернер Отто фон Хентиг

Письмо «Иргун», которое было составлено на немецком языке, несомненно, попало в Берлин, но из архивных документов нельзя узнать, последовала ли какая-то немецкая реакция на него.

Часть 12. Заключение

Нелегальное переселение в Палестину продолжалось также после конца войны вплоть до основания государства Израиль, так как британцы и дальше держали границы Палестины закрытыми для евреев. В целом в течение десяти лет, т.е. с 1938 по 1948, свыше сотни тысяч евреев смогли нелегально иммигрировать в Палестину.

Общее количество всех евреев, которые покинули Германию (и Австрию) после 1933 года, нельзя установить статистически, так как ни эмиграционные ведомства, ни иммиграционные власти не проводили подсчетов. Оценки составляют цифры между 200 000 и 507 000, и такое большое расхождение свидетельствует о сомнительности этих цифр.

В действительности все эти цифры – за одним исключением – основываются на голых предположениях и относятся, кроме того, к разным группам и временам. Не существует надежной охватывающей всю эмиграцию статистики. Под эмиграцией из Германии некоторые авторы понимают Германию в границах старой империи (Альтрейх), т.е. по март 1938 года. Другие причисляют еще и Австрию. Некоторые хотят положить в основу только годы с 1933 до 1939, хотя однозначно установлено, что и после начала войны эмиграция продолжалась, а нелегальная эмиграция в Палестину по-настоящему началась только в 1938 году.

Есть только одна цифра, которая основывается на официальных немецких данных. Но как раз эту цифру отвергают все авторы, так как она кажется им слишком высокой. Курьезно, что эта цифра содержится в документе, который в остальном пользуется наивысшим уважением, так как с его помощью обычно стараются доказать существование немецкого плана «уничтожения евреев»: «протокол Ванзейской конференции». Все сведения из этого документа считаются достоверными и доказательными, только не упомянутые цифры эмиграции.

На странице 4 этого протокола сказано, что «с момента прихода НСДАП к власти и по состоянию на 31.10.1941 г. была произведена эмиграция в целом около 537.000 евреев. Из них:

с 30.1.1933 с территории Империи в старых границах (Альтрейх) – около **360 000**

с 15.3.1938 из Австрии (Остмарк) – около **147 000**

с 15.3.1939 из Протектората Богемия и Моравия – около **30 000»**.

Мы не хотим поднимать здесь вопрос подлинности или поддельности протокола, а также говорить о значении этой встречи на вилле Ванзее, о которой в последнее время высказываются разные мнения. Речь здесь идет только о том,

чтобы вновь обратить внимание на тот факт, что историография произвольно принимает одно определенное содержание документа как настоящее и правильное, а другое считает недостоверным.

Что касается нашей темы, то мы придерживаемся сделанной выше констатации, что точных цифр эмиграции не существует.

Из эмигрантов примерно от 1/4 до 1/3 поехали в Палестину, 1/3 в европейские страны, а оставшиеся отправились за океан, прежде всего, в Северную Америку и Южную Америку.

Соглашение Хаавара, как уже говорилось, время от времени упоминается в специальной литературе, тем не менее, оно едва ли упоминается в общественных средствах массовой информации. Соглашение Рабли-Вольтата почти что неизвестно. Большинство немцев, несомненно, достаточно проинформировано о Холокосте, но о плане эмиграции, благодаря которому преобладающее большинство немецких евреев смогли беспрепятственно покинуть страну, едва ли слышали хотя бы несколько человек. Это, очевидно, одна из «нежелательных в народно-педагогическом отношении истин», как это однажды сформулировал швейцарец профессор Вальтер Хофер.

Тем не менее, заданием историков всегда останется способствовать тому, чтобы истина вышла на свет, даже вопреки господствующему в наше время течению, поскольку только знание истины позволяет увидеть прошлое в более ясном свете.

Часть 13. Приложение: Основные черты предложения Национальной военной организации в Палестине (Иргун Цвай Леуми) относительно решения еврейского вопроса в Европе и активного участия Национальной военной организации в войне на стороне Германии:

Ведущие государственные деятели национал-социалистической Германии в своих заявлениях и выступлениях часто подчеркивали, что преобразование Европы предполагает радикальное решение еврейского вопроса путем эвакуации («очищенная от евреев Европа»).

Эвакуация еврейских масс из Европы – это предварительное условие для решения еврейского вопроса, которое, однако, может быть возможным и окончательным только через переселение этих масс на родину еврейского народа, в Палестину, и создание еврейского государства в его исторических границах.

Решить еврейскую проблему таким образом и вместе с тем окончательно и навсегда освободить еврейский народ, это цель политической деятельности и

многолетней борьбы еврейского освободительного движения, Национальной военной организации в Палестине (Иргун Цвай Леуми).

НВО, которой хорошо известна благосклонная позиция немецкого имперского правительства и его органов власти к сионистской деятельности внутри Германии и к сионистским планам эмиграции, считает, что

1. могло бы существовать единство интересов между стремлениями к преобразованию Европы согласно немецкой концепции и истинными национальными стремлениями еврейского народа, которые воплощаются в НВО;
2. была бы возможна кооперация между Новой Германией и обновленным, народно-национальным еврейством и
3. создание исторического еврейского государства на национальной и тоталитарной основе, которое состояло бы в договорных отношениях с Германской империей, что было бы в интересах сохранения и укрепления будущей немецкой доминирующей позиции на Ближнем Востоке.

Исходя из этих соображений, НВО в Палестине, при условии признания вышеупомянутых национальных стремлений еврейского освободительного движения со стороны германского имперского правительства, обращается к этому правительству с предложением своего активного участия в войне на стороне Германии.

Это предложение со стороны НВО, деятельность которой могла бы распространиться на военную, политическую и информационную область и после определенной организационной подготовки также выйти за пределы Палестины, было бы привязано к военной подготовке и организации еврейской мужской силы Европы, под руководством и командованием НВО, в военные части и их участию в боевых действиях с целью захвата Палестины, если соответствующий фронт будет образован.

Косвенное участие еврейского освободительного движения в преобразовании Европы, уже в его подготовительной фазе, в контексте с положительно-радикальным решением европейской еврейской проблемы в соответствии с упомянутыми национальными стремлениями еврейского народа, чрезвычайно укрепили бы в глазах всего человечества моральные основы этого преобразования.

(Это сложно сформулированное предложение означает попросту следующее. Немецкая политика по отношению к евреям, т.е. высылка евреев из Германии, возможно, аморальна в глазах мира. Однако, она выиграла бы в моральном праве, если бы в результате этой высылки возникло еврейское государство. Цель оправдывает средства, или: То, что, собственно, не было бы позволено

немцам, является для еврейских националистов желанной поддержкой их борьбы и вместе с тем оправдано. – прим. автора).

Кооперация еврейского освободительного движения соответствовала бы также одной из последних речей рейхсканцлера Германии, в которой господин Гитлер подчеркнул, что он будет использовать любую комбинацию и коалицию, чтобы изолировать и разгромить Англию.

(Это было, очевидно, стратегической пропагандой со стороны «Иргун». Ведь как к настоящему времени стало известно, у Гитлера не было желания «изолировать и разгромить Англию»: напротив, он был заинтересован в компромиссе и примирении с англичанами, и причиной того, что его соответствующие стремления потерпели неудачу, было недоброжелательное отношение самой Англии. – прим. автора).

Краткий обзор возникновения, характера и деятельности НВО в Палестине.

НВО частично возникла из еврейской самообороны в Палестине и ревизионистского движения (Новая сионистская организация), с которым была связана в свободной личной унии через господина В. Жаботинского до его смерти (4 августа 1940 – прим. перев.).

Владимир (Зеев) Жаботинский

Проанглийская позиция ревизионистской организации в Палестине, которая сделала обновление личной унии невозможным, привела осенью этого года к последующему расколу ревизионистского движения.

Целью НВО является создание еврейского государства в его исторических границах.

В противоположность всем сионистским течениям НВО отвергает колониаторское проникновение как единственное средство для освоения и постепенного овладения отечеством и возвышает к своему лозунгу борьбу и жертву как единственно правильные средства для захвата и освобождения Палестины.

Из-за своего воинственного характера и своей антианглийской позиции НВО вынуждена при постоянных преследованиях со стороны английской администрации осуществлять политическую деятельность и проводить военное обучение своих членов в Палестине втайне.

НВО, террористические акции которой начались уже осенью 1936 года, стала особенно заметной летом 1939 года, после публикации английской Белой книги, благодаря успешной интенсификации своей террористической и диверсионной деятельности в английском владении. Эта деятельность, а также ежедневные тайные радиопередачи, в свое время были отмечены и широко обсуждались почти всей мировой печатью.

До начала войны НВО содержала независимые политические бюро в Варшаве, Париже, Лондоне, Женеве и Нью-Йорке.

Бюро в Варшаве занималось преимущественно военной организацией и обучением национальной сионистской молодежи и поддерживало тесный контакт с еврейскими массами, которые особенно в Польше следили за борьбой НВО в Палестине с восторгом и поддерживали ее тем или иным способом. В Варшаве выходили две газеты («Die Tat» и «Jerozalima wseljona»), которые принадлежали НВО.

Варшавское бюро поддерживало тесные отношения с бывшим польским правительством и польскими военными кругами, которые проявляли самый большой интерес и понимание стремлений НВО. Так в 1939 году сплоченные группы членов НВО были отправлены из Палестины в Польшу, где польские офицеры в казармах совершенствовали их военную подготовку.

Переговоры, которые велись между НВО и польским правительством в Варшаве с целью активизирования и конкретизации его помощи, и о которых легко можно будет узнать из архивов бывшего польского правительства, закончились с началом войны.

НВО по своему мировоззрению и структуре очень близка тоталитарным движениям Европы.

Боеспособность НВО никогда не могла быть парализована или серьезно ослаблена, ни беспощадными защитными мерами со стороны английской администрации и арабов, ни действиями еврейских социалистов.

14. Приложение: Текст соглашения Рабли-Вольтата

Межгосударственный комитет

1 Central Building, Westminster.

Лондон, SW1, февраль 1939

Директор: Мистер Джордж Рабли

Глубокоуважаемый господин Вольтат!

Я имел честь иметь беседы с доктором Шахтом и Вами. Чтобы быть уверенным, что я правильно докладываю о состоявшихся беседах, я был бы исключительно благодарен, если Вы будете так любезны и подтвердите мне, правилен ли нижеследующий строго конфиденциальный меморандум:

Строго конфиденциальный меморандум.

Эмиграция евреев из Германии

Было установлено, что Германия готова начать проводить политику, которая любым способом облегчает организованную эмиграцию евреев и содействует ей. Программа, которая представлена ниже в ее основных чертах, должна проводиться, если у Германии есть гарантия, что страны, принимающие иммиграцию, готовы согласно этой программе постоянно принимать евреев из Германии. Если эта программа проводится – и ее исполнение значительно облегчится улучшением международной обстановки – то эмиграция будет осуществляться унифицированным, отрегулированным способом.

I. Организация эмиграции

ПЕРВОЕ. Эта программа относится исключительно к евреям с немецким гражданством и к евреям без гражданства в Германии. Выражение «еврей» в этом меморандуме использовано согласно Нюрнбергским законам и означает следующее:

1. Евреем считается тот, у кого есть три или четыре еврейских бабушки и дедушки. Дедушка или бабушка считается евреем/еврейкой, если он или она исповедовали иудейскую веру;

2. Далее евреем считается тот, у кого два дедушки или бабушки были евреями, а он сам 16 сентября 1935 придерживался иудейской веры или принял позже иудейскую веру, и тот, у кого два дедушки или бабушки были евреями, и он сам 16 сентября 1935 состоял в браке с евреем/еврейкой или после этого сочетался браком с евреем/еврейкой.

ВТОРОЕ. В настоящее время имеется еще примерно 600 000 евреев в Германии, включая Австрию и Судеты. Из этого количества 150 000 человек причисляются к классу получающих зарплату работников; примерно 250 000 считаются имеющими право на получение материальной помощи от этих получающих зарплату работников; остаток состоит, прежде всего, из пожилых и старых людей, которые поэтому не включены в программу эмиграции.

ТРЕТЬЕ. Группа получающих зарплату работников должна состоять из всех мужчин и не состоящих в браке женщин в возрасте от 15 до 45 лет, которые способны лично зарабатывать себе средства к существованию, и в остальном пригодны для эмиграции.

ЧЕТВЕРТОЕ. Группа имеющих право на получение материальной помощи должна состоять из непосредственных членов семьи получающих зарплату работников при исключении стариков (людей старше 45 лет) и непригодных.

ПЯТОЕ. Группа получающих зарплату работников должна эмигрировать первой, а именно в ежегодных контингентах в течение периода от трех максимум до пяти лет.

ШЕСТОЕ. Все лица из группы получающих зарплату работников согласно вышеупомянутому определению должны быть приняты правительствами принимающих переселенцев стран в соответствии с их действующими иммиграционными законами и обычаями.

СЕДЬМОЕ. Практическая работа для организации эмиграции должна проводиться при участии бюро, которые представляют еврейские организации Германии, и под руководством назначенного правительством Германии комиссара.

ВОСЬМОЕ. Бюро, которые организуют работу эмиграции, могут помогать иностранные эксперты, представляющие иностранные частные организации, которые занимаются эмиграцией и пользуются доверием правительств принимающих переселенцев стран, при условии, что эти эксперты приемлемы для германского правительства.

ДЕВЯТОЕ. Лицам, которые на основании этого соглашения эмигрируют из Германии, должны выдаваться паспорта. Лица без гражданства в Германии должны получать для эмиграции подходящие документы.

ДЕСЯТОЕ. Обстоятельства, которые привели к тому, что евреи содержатся в заключении в лагерях по иным причинам, нежели причины общественной безопасности, должны автоматически исчезнуть, если проводится программа для организованной эмиграции.

ОДИННАДЦАТОЕ. Должны быть предоставлены льготы для переквалификации получающих зарплату работников с целью эмиграции, прежде всего, в сельскохозяйственных лагерях переквалификации, но также и в школах обучения ремеслам. Переквалификации необходимо содействовать.

ДВЕНАДЦАТОЕ. Эмиграция лиц из группы имеющих право на получение материальной помощи должна происходить, когда получающие зарплату работники твердо устроились на новом месте и могут принять их.

II. Положение лиц, которые постоянно остаются в Германии, и тех, эмиграция которых еще предстоит

ТРИНАДЦАТОЕ. Еще не был найден окончательный метод, чтобы заботиться о стариках и о непригодных для эмиграции людях, которые не включены в эту программу и могут провести остаток своей жизни в Германии. С немецкой стороны есть намерение позаботиться о том, чтобы эти лица и те, эмиграция которых еще ожидается, могли жить в спокойствии, если не наступят чрезвычайные обстоятельства. Не существует намерения отделять евреев. Они могут свободно передвигаться. Люди, которые подходят для работы, должны получить возможность работы, так чтобы они могли сами зарабатывать себе на жизнь; тем не менее, евреи, которые работают на тех же предприятиях, что и арийцы, должны быть разделены с арийскими рабочими. Вообще в интересах уместного проведения программы рассматривается возможность централизовать управление еврейскими вопросами.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ. Поддержка и обеспечение упомянутых выше в пункте 13 лиц, которые не способны зарабатывать себе на жизнь самостоятельно, должны финансироваться в первую очередь за счет еврейского имущества в

Германии, помимо той части имущества, которую нужно отставить (как описано ниже) как целевой фонд опеки, и из дохода этого фонда. Если эти средства недостаточны, нужно заботиться о нуждающихся обычными способами общей благотворительной помощи для того, чтобы эти лица имели приличные жизненные условия. Источники за пределами Германии не должны использоваться для поддержки и обеспечения этих людей.

III. Финансирование эмиграции

ПЯТНАДЦАТОЕ. Для финансирования предусмотренной этой программой эмиграции должен быть создан целевой фонд опеки в размере, который еще не определен, но который должен составлять в любом случае минимум 25 % наличествующего в Германии еврейского имущества, что, если будут найдены возможности трансферта, будет означать существенный рост в сравнении с нынешними предложениями трансферта. В настоящее время еще имеющееся в Германии еврейское имущество находится в руках отдельных собственников; еще не было решено, каким способом необходимая сумма должна быть выделена из него как фонд опеки.

ШЕСТНАДЦАТОЕ. Имущество опеки должно быть передано объединению, которым управляют три попечителя. Двое из попечителей должны иметь немецкое гражданство. Третий попечитель должен иметь иностранное гражданство и пользоваться хорошей репутацией.

СЕМНАДЦАТОЕ. Капитал фонда опеки может использоваться для закупки оборудования для эмигрантов из группы получающих зарплату работников и (с оговоркой от корпоративных соглашений) средств производства для содействия проектам поселения, а также для погашения расходов на поездку и издержек по перевозке эмигрантов в Германии и на немецких судах, все в связи с данной программой эмиграции. Рассматривается возможность основать иностранное ведомство по закупкам, которое должно осуществлять все закупки из фонда, поддерживать связь с немецкими органами власти и вообще обрабатывать все вопросы, которые возникают вне Германии относительно трансферта фонда. Виды товаров, которые может приобретать это ведомство по закупкам, могут ограничиваться теми, о которых в соответствии с немецкой практикой можно предположить, что они не содержат импортного сырья или только относительно малую часть его; или же никакие ограничения не должны вводиться, если это может быть урегулировано так, что та часть общей цены закупленных товаров, которая соответствует стоимости содержащегося в них импортного сырья, оплачивается в Германию в валюте. Эта стоимость должна рассчитываться с включающей все процентной ставкой, договоренность о размере которой еще должна быть достигнута. Затем должны быть достигнуты

соглашения о том, что закупленные за счет средств фонда товары будут исключены от действия клиринговых соглашений, соглашений о компенсации и платежных соглашений, которые существуют между Германией и теми странами, в которые ввозятся товары. Ведомство по закупкам должно будет гарантировать, что закупленные товары не используются в иных целях, кроме как для оснащения эмигрантов или для содействия проектам поселения. Планируется содействовать закупке таких товаров из средств фонда, а именно в необходимых типах и в уместном количестве, так что текущие требования эмиграции будут удовлетворены. Подлежащие оплате цены не должны быть выше цен на внутреннем рынке за товары или услуги соответствующего качества.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ. Метод трансферта Хаавара должен допускаться в пределах его традиционной области. Закупки Хаавара должны оплачиваться из средств целевого фонда опеки.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ. Капитал целевого фонда опеки, если он не употребляется с вышеупомянутыми целями, должен быть пригоден к трансферту, как только изменившиеся обстоятельства сделают трансферт возможным, или если будут достигнуты договоренности с этой целью, будь то путем соглашений о дополнительном экспорте или другими способами.

ДВАДЦАТОЕ. Товары, которые были закуплены за счет средств целевого фонда опеки, могут быть экспортированы без уплаты пошлин, налогов и всех прочих платежей, и эмигранты могут вывозить с собой свои личные вещи (за исключением драгоценностей, благородных металлов, предметов искусства и за исключением особо ценных товаров, которые были приобретены недавно с расчетом на эмиграцию), предметы домашней обстановки, инструменты и инвентарь для использования в их бизнесе или профессии, которые принадлежат им или которые они приобрели для себя в уместном объеме для личного употребления, без уплаты всех пошлин, налогов, взносов и прочих платежей.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ. Никакой налог на бегство или прочие выплаты подобного вида не должны взиматься с евреев, которые эмигрируют по этой программе.

Преданный Вам Джордж Рабли [подпись].

Ингрид Веккерт

«ГАЗЕНВАГЕНЫ» – КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Сокращенный перевод с немецкого, 2018 г.

Оригинал: Ingrid Weckert, *Die Gaswagen - Kritische Würdigung der Beweislage*

Глава из книги: Ernst Gauss, *Grundlagen zur Zeitgeschichte. Ein Handbuch über strittige Fragen des 20. Jahrhunderts*, Grabert, Tübingen, 1994

1. Проблема и состояние ее изученности

К обвинениям, которые выдвигаются против национал-социалистической Германии, принадлежит также утверждение, будто бы в 1941 и 1942 годах использовались так называемые «газенвагены» или «душегубки», автомобили, выхлопные газы которых направлялись внутрь закрытого кузова, вследствие чего запертые в нем жертвы умирали.

(В русском языке традиционно – и ошибочно – используется слово «газенваген», хотя в немецком языке такого слова нет, есть лишь «газваген». В данном переводе используется слово «газенваген», как более распространенное в русскоязычном пространстве, а также равнозначное ему слово «душегубка» – прим. перев.)

С одной стороны «душегубки» якобы использовались в учреждениях эвтаназии (лечебницы для душевнобольных), с другой стороны, они применялись айнзацгруппами (оперативными группами) в тылу за русским фронтом и, прежде всего, в концлагере Кульмхоф (Хелмно).

В специальной литературе «душегубки/газенвагены» появляются в многочисленных публикациях, но их реальное существование нигде не проверяется и даже не ставится под сомнение. Матиас Беер недавно представил состояние исследований в статье в *Ежеквартальных тетрадах о современной истории (VfZ 3/1987)*. Мы иногда будем ссылаться на этот обзор. К сожалению, у нас здесь нет места, чтобы подробно разобрать общую аргументацию. Мы можем выбрать только те моменты, над которыми, по нашему мнению, необходимо задуматься. Цель этого исследования – критически проверить доказательную базу в случае «газенвагенов».

Не существует ни одного документа, из которого явно следовало бы, что в Третьем Рейхе когда-нибудь говорили о «газенвагенах». Это выражение происходит из послевоенного времени. Документы, которые должны служить до-

казательством существования «автомобилей-душегубок», говорят о «специальных или особых машинах» (Sonderwagen), «особых транспортных средствах» (Sonderfahrzeugen), «специальных машинах» (Spezialwagen) или «S-машинах» (S-Wagen). Одно только выражение «особая машина» или «специальная машина» дало исследователям современной истории повод предположить, что речь здесь должна идти о каком-то специальном, вероятно, секретном транспортном средстве. Беер пишет:

«Связь с кодовым («маскирующим») словом «особое обращение», т.е. убийство... очевидна» (стр. 403, прим. 5)

Это, тем не менее, очевидно только для тех, кто само существование «душегубок» выводит сначала только из того тезиса, что в Третьем Рейхе в массовом порядке убивали неугодных людей, в первую очередь, евреев. Вместе с тем факт, который только должен быть доказан, уже сам используется как предпосылка для доказательств.

В действительности Вермахт владел ста различными типами «особых автомобилей», которые имели номера от одного до ста – «*Sd. Kfz 1 bis 100*». (В. Освальд, стр. 435; см. подробный список всех особых автомобилей в его специализированной книге). Каждое транспортное средство, которое нуждалось в специальном оборудовании с какой-то особой целью, уже было «особой машиной». К ним принадлежали, например, грузовики типа «Маультир» («Мул», полугусеничные машины, задние колеса которых были заменены гусеницами), тягачи для полевых и зенитных пушек, но также и машины для распыления газов, и машины обеззараживания для «войск постановки дымовых завес» (химические войска), подразделений, которые были предназначены для химической войны, но, к счастью, никогда не применялись, так как во время Второй мировой войны химические снаряды не использовались вообще. Их изготовление и оборудование было не более секретным, чем у других автомобилей Вермахта. Автоматически связывать выражение «особый автомобиль» с убийствами евреев свидетельствует о полном незнании реального положения вещей.

Кроме того, было также наименование «S-Машина». Беер полагает, что буква «S» была «сокращением от *spezial* или *sonder*.» (стр. 403). Тем не менее, это не так. Она означала «стандарт» и относилось к характеристике привода. «S-типами обозначались соответствующие стандартные комплектации, в то время как во всем остальном конструктивно идентичные типы получали букву А, если были полноприводными» (Освальд, стр. 177). Итак, эта буква «S» – тоже не характеристика определенных машин, которые должны были служить только для убийств находящихся в них людей.

Для поддержки тезиса о существовании «газенвагенов» используются, прежде всего, два документа из эпохи Третьего Рейха: документ, который был представлен на Нюрнбергском процессе (Международный военный трибунал, далее ИМТ) под номером PS-501 – речь идет о письме от 16 мая 1942 – и документ из Федерального архива (ВА) Кобленца с номером R 58/871 – служебная пометка Главного управления имперской безопасности (РСХА) от 5 июня 1942.

Кроме этих документов имеются только лишь высказывания подсудимых и показания свидетелей на процессах по делам «национал-социалистических преступников», которые видели «душегубки» или слышали о них, и утверждения из обвинительных актов и приговоров.

В этом месте мы хотели бы еще раз процитировать Матиаса Беера:

«Однако историку не позволено перенимать судебные приговоры без проверки, так как юстиция и история руководствуются разными целями. Для него свидетельские показания имеют значение в первую очередь потому, что они помогают заполнить пробелы источников. Но со свидетельскими показаниями из-за их особенности обращаться равнозначно, т.е. как с документами, и оценивать их с пользой для исторического исследования можно только в том случае, если учитываются определенные принципы. Основной предпосылкой является по возможности не терять из виду связь показаний и критически проверенных документов». (стр. 404)

Другими словами: свидетельское показание должно, по возможности, подтверждаться документами, которые выдержали критическую перепроверку. Это касается, прежде всего, таких свидетельских показаний, содержание которых сомнительно уже вследствие того, что они противоречат другим равнозначным свидетельским показаниям. И мы увидим, что в случае «газенвагенов» мы можем иметь дело только с такими сомнительными свидетельскими показаниями.

Автомобиль, который однозначно мог служить «газенвагеном» или «душегубкой», нигде не был найден до сегодняшнего дня. Музей Яд ва-Шем в Иерусалиме и музей Освенцима переслали автору по запросу соответственно ту же самую фотографию с видом спереди грузового автомобиля типа Magirus-Deutz. По ней даже нельзя узнать, был ли это один и тот же использованный немцами грузовик, так как номерной знак убран. Институт Яд ва-Шем ответил на запрос сообщением, что никакой другой фотографии «душегубки» нет. Если автору известно другое фото, то институт был бы благодарен, если он пришлет его им.

(В настоящее время признано, что грузовик-фургон «Магирус-Дойц» на этой фотографии не является «газенвагеном». Исследования показали, что в нем

нет никаких конструктивных элементов, которые могли бы служить для убийства людей газом. – прим. перев.)

Мнимый газенваген – грузовик «Магирус-Дойц»

2. Начало предания о «газенвагенах»

2.1. «Душегубки» в СССР

Беер выдвинул следующий тезис:

«Под газенвагеном нужно понимать особенный продукт Третьего Рейха, а именно грузовик, на шасси которого был смонтирован герметично закрывающийся кузов-фургон, в котором людей убивали с помощью направленных внутрь кузова выхлопных газов». (стр. 403)

Это утверждение спорно. «Газенвагены», если они все же существовали, не были «продуктом Третьего Рейха». Советский диссидент Петр Григоренко говорит о «машине-душегубке» в его *Воспоминаниях*. Там он передает то, что ему сообщил его бывший друг Василий Иванович Тесля. Этот Василий Иванович был арестантом в тюрьме Омска в конце тридцатых годов и наблюдал там из своей камеры следующее: советский грузовик для перевозки заключенных, так называемый «Черный ворон», въехал во двор тюрьмы. Группа заключенных вошла в него, машина отъехала и вернулась примерно через пятнадцать минут.

«Надзиратели открыли дверь: Она выплевывала черные клубы дыма и безжизненные тела, которые один за другим падали на землю». (стр. 275 и на последующих страницах).

Ценность как источника этой основанной на слухах истории не может быть особенно высокой – хотя Нольте оценивает ее как «свидетельство» (стр. 476, прим. 31). Однако это утверждение недавно получило поразительное подтверждение. В США весной 1993 года была показана четырехсерийная телевизионная передача, посвященная Советскому Союзу. Она называлась *«Монстр. Портрет Сталина в крови»*. Во второй серии, *«Тайная полиция Сталина»*, цитировались слова бывшего офицера КГБ Александра Михайлова, который сказал, что грузовики-душегубки были еще перед войной изобретены в Москве неким Исаем Давидовичем Бергом и применялись КГБ.

Если это утверждение правдиво, то «душегубки-газенагены» – это советское, а вовсе не немецкое изобретение. С этим совпадает и тот факт, что впервые о «душегубках», «машинах для убийств» или о «машинах смерти» заговорили именно на советской стороне.

Первый процесс, на котором говорилось о «душегубках», происходил во время войны, с 14 по 17 июля 1943 года, в Краснодаре / СССР. Газета *«Правда»* 15-19 июля напечатала отчет о процессе, который был затем опубликован под заголовком *The Trial* на английском языке. Одиннадцать украинцев были обвинены в измене родине за их работу на немцев. Восемь из них были приговорены к смерти, трое получили по 20 лет лагерей.

Как это было принято в те времена в СССР, подсудимые подтверждали все, что хотели от них услышать. Кроме всего прочего, они подтвердили и то, что зондеркоманда 10а айнцагруппы D под командованием штурмбанфюрера СС Курта Кристмана с осени 1942 года убивала советских пленных в «машине для убийств» с применением выхлопных газов дизельного двигателя (*Trial*, стр. 2 и на последующих страницах). Советские свидетели подтверждали использование «душегубки» для устранения душевнобольных (стр. 4 и на следующих страницах). Сутью всех показаний было то, что весьма ядовитые выхлопные газы дизельного двигателя вызывали смерть людей, запертых в кузове машины. Так как это утверждение не может соответствовать истине – о содержании окиси углерода и вместе с тем токсичности или не токсичности дизельных двигателей см. статью Фрица Берга – то и достоверность остальных высказываний можно обоснованно поставить под сомнение.

Спустя один месяц, 14 августа 1943 года, советское посольство в Вашингтоне опубликовало заявление *«О преступлениях немецко-фашистских оккупантов в районе Ставрополя»* (*Soviet War Documents*, стр. 171). Его содержание – это абсолютно ясно антинемецкая пропаганда ужасов, полная измышлений о

зверствах. Среди прочего, цитируются показания некоего немецкого военнопленного по фамилии Фенихель, который подтверждает существование «машин-душегубок» и описывает эти автомобили. О личности этого Фенихеля и об обстоятельствах, при которых он дал свои показания, в заявлении ничего не сказано. Этим заявлениям не следует придавать фактической ценности. Но как раз они на Нюрнбергском процессе использовались как неопровержимое доказательство *«факта массовых убийств в машинах для убийства людей выхлопными газами»* (IMT VII, стр. 628). Имя немецкого военнопленного было там указано как «Э. М. Фенхель».

С 15 по 17 декабря 1943 в СССР проходил еще один процесс, на этот раз в Харькове. На нем обвинялись три немецких военнопленных и украинский подсобный рабочий, который был водителем на службе зондеркоманды в Харькове. Все четверо были осуждены на смерть через повешение, приговор был приведен в исполнение 18 декабря 1943 года. Англоязычный отчет о процессе был опубликован в томе *The People's Verdict*. Также на этом процессе появилось утверждение, будто бы немецкие войска применяли грузовики с дизельными двигателями для уничтожения советского населения. И на этот раз подсудимые тоже подтверждали все преступления, в которых их обвиняли.

Об этом процессе русско-еврейский писатель Артур Кёстлер писал в книге «Йог и комиссар»:

«Метод грубого упрощения в советской внутренней пропаганде привел к традиции, что подсудимый должен был на политическом процессе сознаваться в своих мнимых преступлениях бодро и добровольно, и когда однажды эта традиция была создана, то пути назад больше не было. Отсюда также странное явление, что на Харьковском процессе немецких военных преступников в 1943 году обвиненных немецких офицеров довели до того, что они вели себя как персонажи Достоевского. [...] На иностранного наблюдателя Харьковский процесс (который был снят на киноплёнку, и фильм был публично продемонстрирован в Лондоне) производил такое же нереальное впечатление, как Московские показательные процессы, так как подсудимые произносили свои речи в высокопарных фразах, которые они, очевидно, выучили наизусть и иногда скатывались к чужой им роли прокурора, чтобы потом опять возвратиться к старой точке». (стр. 259 и на последующих страницах).

О ценности и о практике советских процессов десятилетия позже высказался Адальберт Рюккерль, в то время ведущий главный прокурор центрального бюро земельных управлений юстиции в Людвигсбурге:

«Об объеме проведенных советскими судами против немцев уголовных процессов нет надежной информации. С уверенностью, тем не менее, можно исходить из того, что количество осужденных во много раз выше, чем количество осужденных судами западных оккупационных властей вместе взятых. Первый

*процесс состоялся еще в разгар войны с 15 по 18 декабря 1943 года в Харькове. Капитан немецкой армии, унтерштурмфюрер СС при СД, обер-ефрейтор Тайной военной полиции сухопутных войск, и нанятый СД русский шофер были осуждены на показательном процессе на смерть через повешение и публично повешены на один день позже на Красной площади в Харькове». (Рюккерль, *Национал-социалистические преступления*, стр. 99 и на последующих страницах).*

О том, как добивались признаний вины на советских военных судебных процессах, Рюккерль в том же месте цитирует сообщение министра юстиции президенту Немецкого Бундестага от 26 февраля 1965:

«Там «признаний», которые положили в основу процессов советских военных трибуналов... добивались голодом и частично также пытками».

Правильность этой оценки советских военных судебных процессов давно известна и подтверждается сегодня высказываниями русских офицеров и найденными документами из Москвы. Поэтому всякому благоразумному мышлению противоречило бы принимать показания на советских процессах 1943 года как доказательства наличия «душегубок».

Что могло быть поводом для того, что именно в 1943 году Советы были заинтересованы в том, чтобы обвинить немцев в таких преступлениях? Весной 1943 года немецкие войска обнаружили братские могилы в лесу близ Катыни и инициировали международное расследование. Оно, в конечном счете, доказало несомненную вину Советов. Отчет об этом был опубликован летом 1943 года (*Официальный материал о массовом убийстве в Катыни*), за границей, однако, он не был широко известен общественности. Советы, которые не могли заранее знать, какой была бы международная реакция на их массовое убийство польских офицеров, хотели «предусмотрительно», заранее, иметь в руках оружие, чтобы также немцев обвинить в зверствах. Таким образом, в «душегубках», которые действительно, возможно, использовались в НКВД, лживо обвинили немцев и, чтобы эти машины казались настоящими, оснастили их типично немецкими дизельными двигателями. Авторам легенды, очевидно, не было ясно, что они тем самым обезвредили свое же оружие, так как простое направление выхлопных газов дизельного двигателя внутрь машины не оказало бы смертельного воздействия на находившихся в кузове людей. (См. об этом рассуждения Фрица Берга)

2.2. «Газенвагены» на Нюрнбергском процессе

2.2.1. Русские обвинения

На Нюрнбергском процессе общественность впервые услышала что-то о «газенвагенах», разумеется, не о советских, а о мнимых немецких. Советы выдвигали свое уже известное обвинение против немецких войск, и их главный обвинитель Руденко аргументировал:

«С абсолютной уверенностью факт массовых убийств в автомобилях-душегубках был впервые установлен в сообщении чрезвычайной государственной комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков в районе Ставрополя». (ИМТ VII, стр. 528)

Затем он процитировал мнимое показание «военнопленного Э. М. Фенхеля». Почему именно его? Почему не показания с процессов в Краснодаре и Харькове? Вероятно, потому что их благодаря опубликованным отчетам о процессах и киносъемкам можно было подвергнуть критической проверке, тогда как «военнопленный Э. М. Фенхель» не давал никакой точки опоры для такой проверки? Как бы то ни было – повторение обвинения не делает его достовернее.

В опубликованной подборке материалов Нюрнбергского процесса судебные протоколы хоть и полны, но принадлежащие к ним дела опубликованы только выборочно. Можно на законном основании предположить, что многие из документов не выдержали бы критической проверки более поздних историков. Это впечатление возникает, во всяком случае, если снова и снова обнаруживается, что самые сомнительные, т.е. требующие проверки документы не находятся в подборке материалов. Также ответственные архивы (Федеральный архив в Кобленце, Нюрнбергский городской архив, американский Национальный архив в Вашингтоне) не могут помочь в этих случаях. То, что не было опубликовано в томах ИМТ, очевидно, исчезло или, во всяком случае, недоступно общественности. К этим «исчезнувшим» документам принадлежат также все русские документы, которые Советы в Нюрнберге представили как доказательства своих утверждений о «газенвагенах». Нет документальных доказательств советских обвинений в томах материалов ИМТ.

2.2.2. Американские доказательства

Американцы представили письменные доказательства. Первым был документ PS-501, собрание документов, состоящее из одного письма и нескольких отметок или телеграмм, из которых позже только письмо использовалось как «доказательство существования "газенвагена"». (ИМТ XXVI, стр. 102-110).

Во-вторых, они представили «*Равносильное присяге письменное заявление*» (аффидевит), в котором адресат, получивший письмо PS-501, подтверждает 19.10.1945, что он получил это письмо на три года раньше. (PS-2348, *ИМТ ХХХ*, стр. 256-258).

В-третьих, было представлено «*Равносильное присяге письменное заявление*» Отто Олендорфа от 05.11.1945, в котором он говорит об использовании «машины для убийства людей газом». (*ИМТ ХХХI*, стр. 39-41).

И, в-четвертых, имелось еще «*Равносильное присяге письменное заявление*» Ганса Марзалека, датированное 08.04.1946, о высказывании Франца Цирайса, коменданта концлагеря Маутхаузен, от 22.05.1945. (PS-3870, *ИМТ ХХХIII*, стр. 279-286). Там он «подтверждал», что между концлагерем Маутхаузен и Гузеном «*ездил автомобиль специальной конструкции, в котором заключенных убивали газом во время движения*». (стр. 281). Это равносильное присяге заявление было лживым, как можно сделать вывод из более новой публикации Ганса Марзалека. Во втором издании его *Истории концентрационного лагеря Маутхаузен* он безмолвно исправляет свои прежние сведения. О смерти Цирайса он пишет следующее: «*23.05.1945 американские солдаты обнаружили Цирайса в его охотничьем домике в Фюрне (Верхняя Австрия) и при попытке побега дважды выстрелили в него. Вследствие этого ранения Цирайс умер 25.05.1945 в 131-м американском эвакуационном госпитале в Гузене*». (стр. 200, прим. 15). О допросе Цирайса им, Марзалеком, согласно его равносильному присяге заявлению, кроме того, в ночь с 22 на 23 мая, итак, еще перед тем, как американские солдаты нашли Цирайса, он теперь ничего больше не знает. Исправлением его письменного показания под присягой от 08.04.1946 также может считаться указание в предисловии к 2-му изданию, в котором он объясняет относительно нового издания: «*Далее все не доказуемые высказывания [...] были убраны*». Это пример развязности и бессовестности, с которой фабриковались тогда признания вины.

Относительно проблемы представленных на Нюрнбергском процессе доказательств мы хотели бы напомнить о следующих фактах: Подсудимые, защитники и свидетели во время процесса сталкивались с тысячами документов, относительно которых они должны были занять определенную позицию в данный момент. Только в немногих случаях люди, которых это затронуло, не дали суду себя запугать. Председатель беспрерывно заставлял их отвечать сразу только «да» или «нет». Последствием было то, что многие подсудимые и свидетели смирились и давали самый простой ответ, как правило, подтверждение правильности представленного им документа. Лично посмотреть на доказательства им, как правило, не разрешали (см. Мазер, Нюрнберг, «*Доказательства*», стр. 106 и на следующих страницах).

Уже до начала процесса с допрашиваемыми свидетелями обходились подобным образом. Хотя им и не говорили этого каждый раз, но они и так знали, что

у них был только выбор либо действовать в качестве свидетеля обвинения, либо оказаться в роли подсудимого в следующем процессе. Для свидетелей, стойкость которых в случае их допроса защитой или на перекрестном допросе была спорной, и таких свидетелей было подавляющее большинство, союзники сочиняли письменные показания под присягой.

Письменное показание под присягой было результатом допроса, формулировалось допрашивающими офицерами и представлялось свидетелям на подпись. Оно содержало в силу необходимости только полуправду. Ибо – как подчеркивал один защитник –

«письменное показание под присягой передает только то, что было запротоколировано как ответ. Но как раз из вопросов, на которые не было ответов, очень часто можно сделать выводы о пригодности данного свидетельского показания». (ИМТ II, стр. 389)

Мы еще можем добавить, что негативные для обвинения свидетельские показания вовсе не включались в письменное показание под присягой. Председатель, которому защитники неоднократно указывали на сомнительность письменных показаний под присягой, отвечал лаконично, что

«трибунал не связан техническими правилами доказательств, а должен использовать быстрый и не формальный процесс, и каждое доказательство, которое, кажется, имеет для него ценность доказательства, должно быть допущено». (ИМТ II, стр. 288)

В наше время это уже общеизвестные факты. Поэтому можно назвать только дилетантским, если еще сегодня историки придают документам Международного военного трибунала в Нюрнберге доказательную ценность также тогда, если их высказывания не могут быть подтверждены другими материалами.

2.3. «Газенвагены» на процессах национал-социалистов

Хотя имеются только весьма немногие документальные доказательства существования «душегубок», у нас есть многочисленные показания подсудимых и свидетелей на процессах национал-социалистов, которые подтверждают, что «машины для убийства газом» существовали, и в них убивали людей. Прежде всего, в шестидесятые и семидесятые годы происходили процессы, на которых речь шла, в том числе, также об использовании «газенвагенов». Доказательства, приводимые в литературе, соответственно опираются преимущественно на эти показания.

Мы в четвертой главе более подробно займемся содержанием этих свидетельских показаний. Здесь сначала нужно рассмотреть вопрос о доказательной силе таких показаний.

Принципиальная проблема показаний на суде и их отношения к объективной правде не нова. Мы уже цитировали М. Беера по этому вопросу. С его скепсисом, что касается наличия исторической правды в судебных протоколах, он не одинок. По меньшей мере, с Нюрнбергского процесса снова и снова поднимался вопрос, можно ли получить исторические сведения из судебных процессов. Так, например, Вильгельм Раймунд Байер пишет:

«Установленная судом «правда» не может приравниваться к исторической правде. Во время основного Нюрнбергского судебного процесса по делам военных преступников (IMT) и последующих процессов, в частности, в окружении процесса юристов, в связи с процессами в беседах с защитниками и, прежде всего, с репортерами после страстных обсуждений был установлен принцип: Правда процесса – не историческая правда. [...] У любого обвиняемого едва ли был интерес изобразить позже фактический, так называемый объективный ход событий, даже если он был бы способен на это». (Байер, стр. 180)

То же самое, естественно, касается также свидетельских показаний, даже если они были даны под присягой. Профессор доктор Мартин Бросцат, бывший директор Института современной истории в Мюнхене, говорил в этой связи о

«действительно неправильных или преувеличивающих [...] показаниях бывших заключенных или свидетелей». (Бросцат, стр. 5)

Американский эксперт по Холокосту Люси Давидович поддерживает эту констатацию:

«В библиотеках и архивах всего мира существуют тысячи описаний, в которых выжившие описали пережитое ими. Их качество и пригодность в значительной степени зависят от памяти информатора, от его способности объяснять события правильно, его понимания контекста и, естественно, от его правдивости. [...] Записанные свидетельства, которые я исследовала, были полны ошибок относительно дат, имен и мест, и во многих случаях речь шла о принципиальном непонимании реальных событий». (Давидович, стр. 176 и на последующих страницах).

Вовсе не нужно исходить из того, что свидетели намеренно лгали или искажали факты. Но какой объективности можно было бы ожидать, если события, о которых рассказывают свидетели, происходили уже много лет назад, и если эти события происходили в ситуациях, которые характеризовались бедами, страхом и ужасом? Можно ли в этих случаях вообще рассчитывать на объективные, правдивые показания?

Свидетельские показания в принципе базируются на субъективных впечатлениях. Более того, их содержание часто представляет собой непроверенные слухи. Во многих случаях пробелы в памяти дополнялись также только более поздними описаниями от третьих лиц или из средств массовой информации (газеты, книги, радио и телевидение), которые принимались на веру, и свидетели не проверяли их на степень соответствия истине.

Достоверность свидетельских показаний – это общеизвестная в юстиции проблема, и касается она не только уголовных процессов национал-социалистов.

Итак, следует придерживаться сделанной еще в начале этого исследования констатации, что свидетельские показания и приговоры нужно подвергать сомнению, и что доказательной ценностью они могут обладать только в том случае, если другие доказательства подтверждают объективную правильность их изображения.

3. Критическое исследование важных документов

3.1. Нюрнбергский документ PS-501

Предмет гордости папки документов PS-501 – это письмо Беккера Рауффу от 16 мая 1942. Только одно это письмо обозначается, как правило, как документ PS-501.

[Все последующие абзацы части 3.1 базируются на английском переводе этой статьи, появившейся в *Dissecting the Holocaust*, T&DP, Кэпшоу, Алабама, в 2000, здесь немного измененном.]

Это письмо проблематично с нескольких точек зрения. Прежде всего, автору вопреки ее неоднократным запросам в различные архивы не удалось получить копию оригинального письма. По этой причине она полагалась на недостаточные документы, которые, как выяснилось, оставляли ошибочное впечатление.

После того, как данный том был опубликован на немецком языке, появилась книга Пьера Маре. Там письмо Беккера Рауффу приведено в факсимильной копии на страницах 210-213; эти перепечатки, по-видимому, были сделаны с фотокопий оригинальных документов.

3.1.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОКУМЕНТА PS-501

У автора есть два письма Национального архива в Вашингтоне, США, причем каждое из них называет разное происхождение документа PS-501 нюрнбергских обвинителей.

Меморандум штаб-квартиры 12-й американской армии от 26 апреля 1945 утверждает, что одно подразделение 12-й армии нашло этот документ на «складе снабжения РСХА в Бад-Зульце». Оригинал, согласно меморандуму, был отослан в центр документации в Париж.

Сопроводительное письмо, которое прилагалось обычно ко всем тем документам, которые были представлены Нюрнбергскому трибуналу, датировано 7 сентября 1945 года. Согласно этому письму, место обнаружения этого документа, а также его источников неизвестно. Следовательно, документ должен быть передан ОСС (британской прокуратурой) из Лондона.

Ввиду этого нельзя исключать, что обнаружатся следующие указания о других происхождениях этих документов, будь то из Вашингтона, Москвы или из других архивов.

В данный момент мы можем только сказать, что происхождение документа PS-501 неизвестно и поэтому сомнительно. Ввиду этого положения этот документ никогда не мог бы быть принят как документ обвинения. В письменном показании под присягой начальника отдела документации офиса главного обвинителя США, который был представлен и оглашен в начале Нюрнбергского трибунала как доказательство, самым точным образом был зарегистрирован весь материал, который мог служить обвинению немецких руководителей, с указаниями места и обстоятельств нахождения. Документ без этой идентификации, т.е. с указанием «источник и происхождение неизвестны», лишен любой доказательной силы. Если бы защита представила бы суду такой же сомнительный документ, то суд сразу же отклонил бы его.

3.1.2. ВНЕШНИЕ ПРИЗНАКИ PS-501

3.1.2.1. Штемпель и написанные от руки пометки

Письмо содержит следующие пометки на первой странице:

Два красных штампа:

1. «*Совершенно секретно. Дело государственной важности*», наверху справа, под указанием места и даты;

2. Внизу слева, на полях, штампель с датой поступления в архив, т.е. регистрационный номер.

Кроме того, на этой странице находятся следующие *написанные от руки пометки*:

1. Наверху справа, рядом с полем адреса, пометка оранжевого цвета: «*R 29/5 erl. b/R.*»
2. Над ним, красным цветным карандашом: «*pers. Pradel n. R.*»
3. На левом поле, чернилами: «*Sukkel b. R p16 / 6.*»

Эти примечания указывают на то, что 'R' обработал (исполнил) письмо 29 мая и снабдил его своими инициалами 'b/R'. Эта пометка сделана латинским рукописным шрифтом.

Значение примечания «*pers [лично?] Pradel n. R. [после консультации?]*» так же неясно. Эта пометка тоже сделана латинским шрифтом. Тот самый ли это почерк, что у пометки оранжевым цветом, в этом я не уверена.

Отметка по левому краю «*Sukkel b. R.*» снабжена инициалами «*p [или P] 16.6.*». Она написана рукописным шрифтом Зюттерлина. Значит ли это, что «*P*» подтверждает 16 июня, что некто Зуккель пришел и просмотрел это, т.е. «*b*» «*R*» означает, что он был с P.?

Ни одна из этих отметок не ясна и не однозначна, тем более, что даже в случае первой отметке непонятно, что должно означать «*b/R*».

Можно предположить, что Рауфф и Прадель имелись в виду под инициалами «*R*» и «*P*». Кроме того, в РСХА был также сотрудник по имени Зукель («*Suckel*»), но он писался с «*ск*», а не с «*kk*» как в этом документе.

Однако Рауфф постоянно писал шрифтом Зюттерлина, а не латинским шрифтом. У его инициала «*R*» был характерный вид, не идентичный с «*R*» на этом письме. Значит, он не мог написать эти пометки. Как мы еще увидим позже, похоже, кто-то пытался подражать его почерку, опираясь на оригинальные пометки Рауффа и Праделя, так что кажется благоразумным исходить в этом вопросе из преднамеренного подлога.

3.1.2.2. Три различные копии, но ни одного оригинала

К настоящему моменту у автора есть три различные «копии» письма Беккера Рауффу, но копию оригинального письма все еще нельзя получить. Очевидно, что такого оригинального письма вообще нет.

Три «копии» отличаются между собой так:

Вариант А:

Фотокопия негатива (черная бумага, белый текст). Три страницы. На верхнем краю (видно только на страницах 1 и 2) видны дыры дырокола, очевидно, для подшивания – но они находятся на необычном для немецких документов месте, и они кроме того необычно удалены друг от друга, что говорит о применении американского дырокола. Кроме того, на существующей у меня копии нумерация страниц находится только на третьей странице наверху: – 3 -.

На каждой странице внизу есть архивный штампель: A092586-88.

По левому краю страницы 1, вертикально написано: *«Я получил это письмо в мае 1942. 18 октября 1945. Рауфф»*

По левому краю внизу находится не полностью разборчивый штампель с датой поступления с записью:

*„II D2 a
239/42 g. Rs.
16. Juni 1942“*

На странице 2 отсутствует первая строка текста.

Согласно меморандуму в томе ИМТ ХХХ, (стр. 258) это *фотокопия оригинального письма* Беккера Рауффу, которая была представлена Рауффу в Анконе (Италия) 18 октября 1945 для подтверждения ее подлинности.

Вариант В1:

Фотокопия с копирки, возможно, оригинального письма. Три страницы. Состав бумаги можно отчетливо рассмотреть и сделать окончательное заключение, что это – не листы плотной бумаги хорошего качества, которые используются обычно для писем или копий, а копировальная бумага (фотокопировальные

машины не могут обрабатывать тонкую копировальную бумагу для печатных машинок).

По левому краю находятся две дыры для нормального немецкого скоросшивателя. Они находятся там, где в варианте А находится подтверждающая отметка Рауффа. Левый край надорван или измят, и дыры были усилены. На фотографии этого варианта (вариант В2) можно отчетливо разглядеть полоски из тонкой бумаги, приклеенные для усиления.

Вдоль верхнего края находится написанная от руки пометка: «Копия от [...]» (остальное неразборчиво).

Внизу находятся архивные номера: стр. 1: А090025; стр. 2: А090027; стр. 3: А090028. Как ни странно, отсутствует номер А090026 – или, иными словами, страницы, начиная со второй, нумеровались неправильно. Это тем более странно, что использованные в архивах машины для нумерации после каждого сделанного штампа сами, автоматически, «перепрыгивают» на следующее число. Поэтому номер А090026 должен был быть дан какому-то документу.

Вариант В2:

Фотография страницы 1 вариант В1. Состав бумаги (копировальная бумага) здесь можно разглядеть еще более отчетливо.

Вариант С:

Написанная для ИМТ (Международный военный трибунал) копия, полная орфографических ошибок – очевидно, изготовленная англоязычным лицом. До сегодняшнего дня служащие Национального архива США в Вашингтоне утверждают, что это, мол, «копия оригинала». Копия обнаруживает написанные от руки пометки, которые очень похожи на пометки на вариантах А, В1 и В2. Очевидно, человек, который переписывал письмо, пытался подражать также этим пометкам. Более точное сравнение этих написанных от руки дополнений свидетельствует о том, что есть маленькие расхождения между всеми документами. В то время как у варианта А нет прямоугольных обозначений абзаца, в вариантах В и С можно увидеть обозначения в форме «| _» в начале первого и в конце второго абзаца, тогда как только вариант В 3 имеет три обозначения абзаца в форме «>» (в конце абзаца 1 и соответственно в начале и в конце абзаца 2). В особенности ввиду того, что автор варианта С пытался сделать свою копию оригинала максимально похожей – в частности, написан-

ные от руки дополнения – это доказывает, что документ, который он переписывал, имел лишь обозначения в форме «| _», т.е., что у него был какой-то другой документ, нежели версии А или В.

3.1.2.3. Конгруэнтность формулировок А и В

К удивлению штемпели и написанные от руки дополнения на вариантах А и В конгруэнтные – если наложить эти страницы друг на друга, то они окажутся точно на одном и том же месте, за исключением вышеупомянутых обозначений абзаца, которые, возможно, были добавлены позднее.

Версия А – это, предположительно, как уже говорилось, фотокопия оригинального письма. Поэтому нужно ожидать, что фотокопия походит точно на оригинал, на котором делались эти пометки. Однако, эта конгруэнтность странна в случае варианта В, который описывается как «копия», при которой речь идет, однако, очевидно, о копии оригинального письма с копировальной бумаги пишущей машинки. Это странно потому, что написанные от руки примечания оставляют впечатление, будто бы они были сделаны получателем письма, тогда как копирки обычно сохраняются отправителем письма или отправляются третьей стороне. И даже если также копирка оказалась бы у получателя, то такие написанные от руки дополнения находились бы, тем не менее, только на одном из обоих экземпляров, но не на обоих. И, кроме того, абсолютно невозможно, что эти пометки, которые были добавлены, по меньшей мере, двумя различными людьми в два разных дня (29 мая и 16 июня), появляются с точностью до миллиметра на точно том же самом месте и в точно той же самой форме на обоих письмах.

Также очень необычно то, что копирка несет точно ту же самую подпись, что и оригинальное письмо. В немецких бюро было принято подписывать такие копии, самое большее, только инициалами, а обычно их вообще не подписывали, тем более, что эти копирки предусматривались только для собственного архива.

Полное совпадение по месту расположения написанных от руки дополнений на фотокопии оригинального письма и на копирке подталкивает к выводу, что они были добавлены фотомеханическим или каким-то другим способом. Если это верно, то это было бы еще одним доказательством подлога.

Единственным другим объяснением было бы, что вариант А – это как раз не фотокопия оригинального письма, а фотокопия копирки («копия»), варианта В. Тогда можно было бы установить:

а. Автор этого письма по какой-то необычной причине отправил вовсе не оригинал, а копию, которую затем после получения кто-то снабдил пометками.

b. Оригинал этого письма не появился до сегодняшнего дня. Или:

c. Это письмо на копировальной бумаге и является оригиналом, т.е. использовалась только копирка.

3.1.3. СОДЕРЖАНИЕ ДОКУМЕНТА PS-501

Почти излишне комментировать содержание письма, которое очень странно и едва ли приемлемо для здравого смысла. Мы упомянем только несколько моментов.

Во-первых, речь идет о тяжелых грузовых автомобилях фирмы «Заурер» (Saurer), на которых якобы можно ездить только при идеальных погодных условиях и по абсолютно сухой земле. Странно и невероятно, что автомобильный парк сухопутных войск отправил бы в Россию машины, если они были совершенно непригодны для русских дорог. Кроме того, даже у меньших машин фирмы «Заурер» были сдвоенные задние колеса, а у более тяжелых были даже две задних оси. Поэтому можно было бы предположить, что эти машины могли справиться даже с плохими дорогами.

Автор жалуется на то, что *«манжеты комбинированного маслопневматического тормоза были сломаны в нескольких местах»*. Согласно информации фирмы «Steyr-Daimler-Puch», фирмы-преемницы «Заурера», речь в случае упомянутых манжет шла о резиновых прокладках вакуумного (!) сервопривода рулевого механизма, которые часто ломались. Упомянутые в письме формы служили для вулканизации резины, но не для отливки самой резиновой формы.

В соответствии с этим Беккер никак не мог бы отливать свои собственные манжеты, тем более что эта отливка герметичных резиновых манжет за русским фронтом почти невозможна. Он должен был бы заказывать их у производителя в невулканизированной форме и вулканизировать их в своих самодельных формах (было ли это вообще возможно, мы не проверили). Выражение Беккера: *«Для групп В и А манжеты можно было бы заказывать из Берлина»* абсолютно бессмысленно, так как также он должен был заказывать их в Берлине или в каком-то другом месте в Рейхе.

Далее Беккер должен был решить проблему посредством «подкупа». Даже если все знают, что иногда бывают вещи, которые можно получить, только обойдя определенные правила, т.е. незаконно, и при таких сделках всегда также бывают вознаграждения, то это, однако, тем не менее, не называли бы «подкупом» («коррупцией»). И, прежде всего, маленький унтерштурмфюрер СС определенно не хвастался бы такими действиями перед своими начальниками и более высокими по званию офицерами.

То, что автор этого документа пишет в отношении возникших при «казни газом» проблем, нужно рассматривать в контексте того, что Фридрих Берг написал в своей статье в этой книге. Пока нет никаких доказательств того, что применявшиеся РСХА грузовики «Заурер» *не* были оснащены дизельными двигателями, как это обычно было, истории о массовых казнях газом нельзя считать достоверными. Но, даже не говоря об этом, описание Беккером предполагаемого влияния положения педали газа на тот способ, каким именно умирают жертвы, представляет собой полную чепуху. На полном газу можно, самое большее, ускорить процесс умирания сам по себе, но не изменить способ, как жертвы умирают.

3.1.4. Резюме

Мы установили, что происхождение письма Беккера Рауффу, как оно было представлено Нюрнбергскому трибуналу как документ обвинения PS-501, неопределенно, из-за чего его нужно рассматривать как сомнительное.

Написанные от руки заметки на первой странице письма кажутся бессмысленными и определенно не были сделаны теми людьми (Рауффом и Праделем), на которых намекают инициалы «R» and «P». Это было бы указанием на подделку.

Копирка («копия») содержит те же самые отметки и штампы на тех же самых местах, что и копия мнимого оригинального письма. Это не только необычно, а, кроме того, еще и невозможно. По меньшей мере, на копии – если это все же копия, а не, например, оригинал копии варианта А – эти дополнения должны были быть добавлены фотомеханическим путем. Также это намекает на фальсификацию.

Содержание письма неправдоподобно, особенно как письма подчиненного своему начальнику.

В общем и целом, все эти указанные моменты вызывают значительные сомнения в подлинности этого документа.

3.2. Письменные показания под присягой

Об общей проблеме письменных показаний под присягой на Нюрнбергских процессах смотрите написанное в разделе 2.2.2.

3.2.1. НЮРНБЕРГСКИЙ ДОКУМЕНТ PS-2348, ПИСЬМЕННОЕ ПОКАЗАНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ ВАЛЬТЕРА РАУФФА

19 октября 1945 года Вальтер Рауфф сделал перед американской прокуратурой равносильное присяге заявление (PS-2348, ИМТ ХХХ, стр. 256 – 258), в котором он представил следующее (стиль как в оригинале. Цифры примечаний исходят от автора и относятся к последующим рассуждениям):

«Сим я свидетельствую о подлинности представленного письма доктора Беккера (лейтенанта), написанного 16 мая 1942 и полученного мной 29 мая 1942. {1} Я 18 октября 1945 отметил на краю этого письма, что оно настоящее.

Я не знаю количество находящихся в эксплуатации машин для убийства газом и даже не могу указать их приблизительное число. Машины были произведены на заводах «Зауэр», которые, как я думаю, находятся в Берлине. {2} Также другие фирмы изготавливали эти машины. Насколько я знаю, эти машины были использованы только в России. Насколько я могу сказать, эти машины, вероятно, использовались в 1941 году, и это мое личное представление, что они применялись до конца войны. Количество убитых в этих машинах людей я лично не знаю. {3}

Я хотел бы констатировать, что доктор Беккер написал это письмо мне, так как я был руководителем отдела, который заведовал следующим: 1. боеприпасы, 2. телефоны, 3. телеграммы, 4. радио, 5. все грузовики. Эта группа была известна как II.D.R. {4}

После получения этого письма я передал его капитану Прадлю с целью начать соответствующие мероприятия. Капитан Прадль и я обсуждали это письмо, и я полагаю, что я дал Прадлю указания устранить упомянутые в письме технические недостатки. Я видел доктора Беккера только один или два раза, и я не имел никакого отношения к его назначению на эту должность. Я никогда не присутствовал, когда эти машины для убийств действительно находились в эксплуатации и люди были убиты в них, однако, я видел такую машину как образец, и интересовался ею только с технической точки зрения. {5}

Я был руководителем этого технического отдела с февраля 1940 по март 1940. С мая 1940 по май 1941 я служил в немецком военно-морском флоте. С сентября 1941 по май 1942 я находился в Праге. После того я снова руководил отделом с мая 1942 по июнь 1942. {6}

Я хотел бы указать на то, что мой особенный интерес к этим машинам для убийства распространялся на нижнюю часть, где находился двигатель. {7}

Я здесь упоминаю, что моим непосредственным начальником был человек министерского уровня по имени штандартенфюрер Зигерт. Он был руководителем РСХА, и дал мне поручение поставлять шасси машин для убийств. Насколько я могу вспомнить, я поставил только 5 или 6. {8}

Непосредственным начальником штандартенфюрера Зигерта был обергруппенфюрер Рейнхард Гейдрих, руководитель СД».

Примечания к PS-2348

В этом равносильном присяге заявлении поэзия и правда беспорядочно перемешаны. Текст, как обычно, был записан одним из американских офицеров, которые вели допрос. Очевидно, что у Рауффа не было интереса к тому, чтобы исправлять получившиеся там ошибки (например, написание имени Прадль вместо Прадель). Господин Рауфф сделал это равносильное присяге заявление, очевидно, под давлением, чтобы защититься от последующих преследований. Затем он покинул Германию и эмигрировал в Чили, где он пребывал до своей смерти 14 мая 1984 года.

{1} Американцы, очевидно, беспокоились о «подтверждении подлинности» письма, так как документ, как мы уже видели, был помечен как: «источник и происхождение неизвестны». Рауфф подтверждал то, что представляли ему.

{2} Если бы Рауфф действительно занимался приобретением этих машин, то он наверняка запомнил бы название фирмы «Заурер» (а не «Зауэр»), а также то, что она располагалась не в Берлине, а в Вене.

{3} Согласно описанию у Когона, план сконструировать такие «душегубки» возник только осенью 1941 года. (стр. 82). Описание Рауффа противоречит этому тезису. Нигде больше не встречается утверждений об использовании «газенвагенов» до конца войны.

{4} Согласно «Плану распределения служебных обязанностей в Главном управлении имперской безопасности» по состоянию на 01.01.1941, который напечатан в документах IMT (L-185, IMT XXXVIII, 1 – 23), Рауфф был группенляйтером (начальником группы) II D, технические вопросы. Группы II.D.R., которую он упоминает, в РСХА не существовало. Группа II D охватывала следующие сферы: радиотехника, фото- и кинотехника, телефонная и телеграфная связь, автомобильный парк охранной полиции и его обслуживание, автомобильный парк СД и его обслуживание, оружейное дело, вопросы авиации, управление техническими фондами охранной полиции и СД. Как группенляйтеру ему должна была бы быть знакома типичная терминология. «Боеприпасы», «телефоны», «телеграммы», «радио» и «все грузовики» вместо обще-

принятых терминов «*оружейное дело*», «*радио и телефонная связь*», «*автомобильный парк и его обслуживание*», были необычными выражениями в официальном употреблении.

{5} Рауфф, конечно, знал, что имя его сотрудника было Прадель, а не Прадль. Он передал письмо Прадлю, чтобы тот начал соответствующие мероприятия – что это должно значить? Беккер не требовал каких-то мероприятий, наоборот, он сам справлялся со всем наилучшим образом. Также замечание, что он дал Прадлю указание устранить технические недостатки, не имеет смысла, так как в письме речь вообще не идет о каких-то технических недостатках. То, что нужно было изменить, Беккер, судя по его письму, и так уже изменил. Да и речь при этом шла не о техническом недостатке, а об «ошибочном» использовании дроссельного рычага – что бы под этим ни понималось. (О бессмысленности утверждения, будто бы содержание СО (окиси углерода) в отработанных газах дизельного двигателя можно было регулировать какими-то рычагами, см. работу Ф.П. Берга в этом томе). Рауфф здесь ссылается на вымышленное содержание письма. Это создает впечатление, как будто бы он вообще не читал письмо, которое он подтверждал. Во всяком случае, для него не было важно привести представленное ему письменное показание под присягой в соответствие с фактами.

{6} Рауфф сообщает, что в течение всего его срока службы в РСХА являлся руководителем технического отдела в целом только два раза по одному или по два месяца: с февраля по март 1940 года и с мая по июнь 1942 года. Следовательно, он вообще не мог играть ту роль, которая приписывается ему при приобретении «газенвагенов». Согласно литературе, утверждающей о реальности Холокоста, Рауфф якобы занимался приобретением «газенвагенов» с осени 1941 года, т.е. в то время, когда его вообще не было в Берлине.

{7} Странный способ выражения «*нижняя часть, где находится двигатель*» – это также признак того, что текст в этом виде не мог быть написан Рауффом. Кроме того, мотор также у этих грузовиков принципиально находится спереди.

{8} Согласно уже упомянутому «*Плану распределения служебных обязанностей РСХА*», штандартенфюрер СС Зигерт был не начальником Рауффа, а тоже группенфюрером в РСХА, т.е. скорее коллегой Рауффа. Шефом РСХА был Гейдрих.

Многочисленные доказуемые неточности в этом письменном показании под присягой лишают его любой доказательной ценности. Вместе с тем желаемое подтверждение Рауффом подлинности документа PS-501 точно так же ненадежно, как и остальное содержание заявления.

3.2.2. НЮРНБЕРГСКИЙ ДОКУМЕНТ PS-2620, ПИСЬМЕННОЕ ПОКАЗАНИЕ ПОД ПРИСЯГОЙ ОТТО ОЛЕНДОРФА

Второе письменное показание под присягой, которое представила американская прокуратура в Нюрнберге, исходило от Отто Олендорфа, шефа СД и командира айнзацгруппы D. Также это заявление, очевидно, было записано одним из американских офицеров, проводивших допрос, и представлено Олендорфу на подпись. В заявлении он подтверждает, что его айнзацгруппе из Берлина были присланы «Totenwagen» («машины для умерщвления»), в которых были убиты женщины и дети, когда «пускали» газ. Письменное показание под присягой происходит от 5 ноября 1945 года. (*ИМТ XXXI*, стр. 41, PS-2620 с примечаниями).

Во время его допроса как свидетеля во время процесса (*ИМТ IV*, стр. 344 – 393), Олендорф указал, что с весны 1942 года его айнзацгруппе была придана зондеркоманда во главе с доктором Беккером. Эта зондеркоманда использовала «газенвагены», чтобы убивать в них еврейских женщин и детей, и советских политических комиссаров. Время умерщвления продолжалось от 10 до 15 минут. Технические подробности этих «газенвагенов» ему неизвестны. (*ИМТ IV*, стр. 356 и на следующих страницах, стр. 367 и на следующих страницах).

Письмо Беккера Рауффу (PS-501) также было показано Олендорфу, и он заметил, что оно, пожалуй, может быть «правильным», так как оно примерно соответствовало «его (Олендорфа) опыту».

Две вещи противоречат этому описанию:

1. В письме автор (Беккер) создает такое впечатление, как будто бы он был в инспекционной поездке к отдельным айнзацгруппам, причем двигался с юга (группа D) на север (по пути к группе B). Однако эта деятельность не сходится с той, о которой говорит Олендорф. По его словам, Беккер был шефом зондеркоманды, которая была придана (т.е. постоянно прикомандирована – прим. перев.) к айнзацгруппе D.
2. В письме автор определенно упоминает машины типа «Заурер», которые имели исключительно дизельные двигатели и по этой причине не годились для убийства людей выхлопными газами. Однако автор находит недостатки не в

этом, а только в том, что они полностью застревали «при дождливой погоде». Остается нерешенной загадкой, как при всем том можно было убивать еврейских женщин и детей в таких грузовиках, которые совершенно не были пригодны для умерщвления людей.

Письменное показание под присягой Олендорфа и его свидетельское показание противоречат фактам в решающих моментах, и поэтому они ни в коем случае не могут рассматриваться как доказательства акций, которые технически невозможны.

3.3. Кобленцкий документ R 58/871

Так же, как и Нюрнбергский документ PS-501, дело R 58/871 тоже состоит из нескольких документов. Это в целом восемь документов, которые мы для легкости обзора разделим на три группы:

1. Письмо РСХА Институту криминалистики, Берлин, от 26 марта 1942 (R 58/871 fol. 7)
2. Переписка РСХА и фирмы Gaubschat, Fahrzeugwerke GmbH, Берлин, с 27 апреля 1942 по 24 сентября 1942, включая записи в деле и служебные пометки (R 58/871 fol. 4-6.8-14)
3. Служебная пометка РСХА (Касательно: Технические модификации) от 5 июня 1942 (R 58/871 Vol. 1-3)

Представленное под пунктом 1 письмо стоит отдельно и в этой связи не должно учитываться нами.

Объединенная под пунктом 2 переписка между РСХА и фирмой Gaubschat охватывает шесть писем, и речь в ней идет о грузовиках, шасси которых фирма «Заурер», Вена, поставляла фирме «Гаубшат», Берлин, и фирма «Гаубшат» должна была для РСХА установить на эти шасси кузова.

Упомянутая под пунктом 3 «служебная пометка» считается документом, доказывающим существование «душегубок».

3.3.1. Переписка РСХА – «Gaubschat»

Из представленной под пунктом 2 переписки между РСХА и фирмой «Гаубшат» можно реконструировать следующий процесс:

В апреле 1942 года в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) рассматривается возможность оснастить не описанные подробно «специальные автомобили» устройством для быстрой разгрузки. Нужные для этого шасси поставлялись фирмой «Заурер» из Вены берлинской фирме «Гаубшат», где должны были делаться кузова. Грузовики фирмы «Заурер» имели, как правило, дизельные двигатели. В переписке ничего не говорится о возможном специальном варианте с бензиновыми двигателями. Нужно исходить из того, что также эти «специальные автомобили» имели дизельные двигатели.

Об установке устройства для быстрой разгрузки и о дальнейших желаниях конструктивных изменений неоднократно проводились обсуждения между сотрудниками РСХА и фирмы «Gaubschat». Результат этих дискуссий был зафиксирован в письме РСХА фирме «Gaubschat» от 23 июня 1942 года. В частности, в заказе указывались следующие работы:

1. Уменьшение кузова-фургона на 80 см;
2. Удлинение задних и передних колесных ниш, чтобы была создана сквозная насадка для решетки на обеих боковых внутренних стенах;
3. Уменьшение отдельных решеток на 70 см;
4. Облицовка стоек двери, чтобы вследствие этого уменьшить внутреннюю часть фургона у двери;
5. Создание открытых шлицев на задней стене над дверями вместо имевшихся ранее отверстий в дверях;
6. Изменение сточного отверстия в полу фургона;
7. Более сильная защита для внутренних ламп.

«Gaubschat» подтвердила заказ в двух последующих письмах от 18 и 24 сентября 1942.

Эта корреспонденция с 27 апреля по 24 сентября 1942 образует логичную цепочку событий. Все письма РСХА несут один и тот же регистрационный знак: II D 3 а (9) № 668/42-121. Письма РСХА написаны на белой почтовой бумаге, а не на официальном бланке, без особенных отметок, например, без грифа секретности. Текст написан на лицевой и оборотной стороне каждого листа, тем не менее, пронумерованы только листы, не страницы. Фирма «Gaubschat» использовала свои фирменные бланки.

3.3.2. «ПОМЕТКА РСХА» ОТ 5 ИЮНЯ 1942

Это по существу абсолютно неинтересный вопрос образует фон для служебной пометки РСХА от 5 июня 1942, которую мы представили под номером 3 в папке R 58/871. При этом речь идет – наряду с Нюрнбергским документом PS-501 – о втором документе, который представляется в доказательство теории «газенвагенов». Других документов об этой проблематике из эпохи Третьего Рейха нет.

Машины, о которых говорится в переписке РСХА – фирма «Гаубшат», должны якобы были служить именно как «газенвагены». Однако эту интерпретацию нельзя вывести из указанных выше писем. Они, наоборот, свидетельствуют, что, что бы ни было грузом для этих специальных автомобилей, речь ни в коем случае не могла идти о людях. Ниже мы подробнее рассмотрим это. Также тот факт, что грузовики «Заурер» принципиально имели дизельные двигатели, противоречит утверждению, что они использовались как «газенвагены».

В «Пометке», тем не менее, абсолютно ясно говорится об «убийстве газом» и поэтому этот документ до сегодняшнего дня неоспоримо доказывает тезис о «газенвагенах».

3.3.2.1. Различия во внешней форме

«Пометка» вызывает впечатление, как будто бы она принадлежит к переписке РСХА – «Gaubschat». Она датирована 5 июня 1942 года, т.е. до письма РСХА от 23 июня, в котором содержится список желаемых конструктивных изменений.

Тем не менее, есть несколько бросающихся в глаза различий:

1. Регистрационный номер «Пометки» звучит: II D 3 а (9) № 214/42 g. Rs., – который был у других писем: II D 3 а (9) № 668/42-121.
2. «Отметка» несет штампель «*Совершенно секретно. Дело государственной важности*». Ни одно из других писем не было обозначено как «секретное».
3. Под датой написано: «*Einzigste Ausfertigung*» (буквально «*Единственный экземпляр*»). Здесь нужно заметить: у прилагательного «*einzig*» («единственный») в немецком языке нет превосходной степени; «единственный» остается «единственным» и не может увеличиваться. Тем не менее, в действительности это письмо, которое должно иметься в наличии только в единственном экземпляре, существует, по меньшей мере, в трех различных экземплярах, которые отличаются друг от друга подчеркиваниями в тексте и написанными от руки примечаниями: «оригинал» в Федеральном архиве в Кобленце; еще один

«оригинал», который служил издателям *Массовых национал-социалистических убийств ядовитым газом* как основа для их факсимильной копии (333 – 337); и третий «оригинал», факсимиле которого Рюккерль опубликовал в своей книге *Процессы национал-социалистов* (209 – 213).

Переписка автора этой статьи с Федеральным архивом на эту тему тоже не смогла внести ясность, так как Федеральный архив настаивает на том, что владеет единственным наличествующим оригиналом этой «Пометки». Тамшний ответственный сотрудник очень удивился, когда автор обратила его внимание на эти различия.

4. Письма и пометки РСХА писались на лицевой и оборотной стороне каждого листа, тем не менее, нумеровались только листы, а не страницы. Пометка от 5 июня 1942 года была написана также на лицевой и оборотной страницах, но каждая страница была пронумерована. Это указывает, по меньшей мере, на другую машинистку.

3.3.2.2. Содержание «Пометки» и сравнение с письмом РСХА от 23.06.1942

В строке «Касается» стоит: *«Технические модификации в находящихся в эксплуатации и находящиеся в производстве специальных машинах»*. Уже одно это отличает эту пометку от остальных писем в этом досье. О том, что фирма «Гаубшат» должна переделывать также уже используемые грузовики, в переписке нигде не сказано. Также автомобили РСХА назывались не «специальные машины» (Spezialwagen), а, как это было принято, «особые автомобили» (Sonderfahrzeuge).

Начало этой пометки почти невозможно в языковом отношении. Она начинается с предложения:

«С декабря 1941 были обработаны, например, тремя примененными машинами 97 000, без того чтобы выявились недостатки в автомобилях».

Начинать документ со слова «например» бессмысленно. У слова «например» есть смысл только тогда, если уже раньше описывалось или утверждалось что-нибудь, для чего теперь нужно привести пример. Это слово «например» в этом случае не может относиться также к строке «Касается». В строке «Касается» говорится о необходимых технических модификациях, но текст, однако, прямо в самом начале констатирует, что до сих пор никакие недостатки в машинах не выявились. И это не совсем хороший пример необходимости требуемых технических изменений.

О чем идет речь при 97 000, которые были «обработаны», из текста понять невозможно.

При более детальном анализе пометки от 5 июня и сравнении ее с письмом РСХА от 23 июня 1942 года выявляется, что пометка – это что-то вроде плагиата письма от 23 июня. Оба письма подразделены на 7 пунктов, которые касаются желаемых РСХА изменений. В пометке эти желания интерпретируются теперь в таком виде, который позволяет сделать вывод об убийстве людей выхлопными газами.

Мы утверждаем, что «Пометка» от 5 июня – это подлог. Она была написана ее авторами только после письма от 23 июня, но датирована передним числом. Отдельные пункты переписывались и дополнялись так, что из этого становится очевидно намерение убийств. Доказательство этого подлога – это, кроме всего прочего, тот факт, что в «Пометке» от 5 июня под пунктом 2 ссылаются на обсуждение РСХА с фирмой «Gaubschat», которое согласно письму от 23.06.1942 произошло только 16 июня, т.е. через 11 дней после 5 июня, когда якобы была составлена «Пометка»!

Для дальнейшего доказательства нашего утверждения мы сопоставим соответствующие пункты из письма от 23 июня и пометки от 5 июня. Все пояснения в служебной пометке, которые позволяют сделать вывод о «убийствах газом» или о погрузке людей, и которые не представлены в письме от 23 июня, выделены автором жирным шрифтом.

Письмо от 23 июня 1942 года	«Пометка» от 5 июня 1942 года
<p>«1. Кузов фургона нужно укоротить по его длине примерно на 800 мм. [...] Возражение, что это укорачивание вызовет неблагоприятное распределение нагрузки, принимается к сведению. [Из предыдущего текста можно понять, что это возражение было выдвинуто фирмой «Gaubschat» при устной беседе 16.06.1942.] Возможные возникающие из этого убытки не по отношению к фирме «Gaubschat» не оспариваются».</p>	<p>«2. Уменьшение погрузочной площади кажется необходимым. Оно достигается укорачиванием кузова примерно на 1 м. Предстоящую трудность нельзя устранить, как до сих пор, уменьшив количество экземпляров при отправке. При сокращении количества экземпляров становится как раз необходимой более длительная продолжительность эксплуатации, так как свободные помещения должны также наполняться СО. [...] В обсуждении с фирмой-производителем с этой стороны было указано на это, что укорачивание кузова фургона влечет за собой неблагоприятное смещение нагрузки. Но в действительности уравнивание в распределении нагрузки происходит</p>

	<p>невольно из-за того [в оригинале вместо <i>dadurch</i> ошибочно написано слово <i>dadruch</i> – именно так!], что груз в кузове при эксплуатации в стремлении к задней двери всегда преимущественно находится там». (Слово «стремление» здесь не обязательно означает осознанное стремление, также простое скольжение при движении в каком-то направлении могло иметься в виду. – прим. перев.)</p>
<p>«5. Закрывающиеся задвижкой отверстия в задних дверях отпадают, и их нужно заменить открытыми шлицами размером 100 × 10 мм в верхней задней стене (не в двери). Их нужно закрывать снаружи легко движущимися жестяными крышками на петлях».</p>	<p>«1. Чтобы сделать возможным быстрое проникновение СО при предотвращении избыточного давления, в верхней задней стенке нужно сделать два открытых шлица 10 × 1 см ширины в свету. Их нужно снабдить снаружи легко движущимися жестяными крышками на петлях, чтобы уравнивание возможного избыточного давления происходило само по себе».</p>
<p>«6. Находящееся в правой передней части пола фургона сточное отверстие с замком отпадает, вместо этого большое сточное отверстие примерно 200 мм диаметром вырезается в полу фургона. Это отверстие нужно снабдить прочной и плотно закрывающейся крышкой на петлях, которая может плотно и надежно открываться снаружи».</p>	<p>«4. Чтобы иметь возможность осуществлять удобную уборку автомобиля [за этой формулировкой стоит невысказанное утверждение, что отравленные газом люди были сильно покрыты испражнениями и мусором и, соответственно, загрязняли машину], пол в центре нужно снабдить плотно запирающимся сточным отверстием. Сточная крышка диаметром примерно от 200 до 300 мм получает сифонное колено, так что негустая жидкость может вытекать также во время</p>

	<p>эксплуатации». [Это тоже указание на испражнения умирающих людей]</p>
<p>«7. Внутренние лампы нужно защитить сильно выпуклыми и более крепкими, чем применялись до сих пор, решетками».</p>	<p>«б. Электрические лампы нужно сильнее, чем до сих пор, защитить от разрушений. Железные решетки нужно поместить в выпуклой форме над лампами так высоко, чтобы больше не было возможно повредить стекла ламп. Из практики предлагалось вообще отказаться от ламп, так как они якобы никогда не употребляются. Однако выяснилось, что при закрытии задней двери и наступившей при этом темноте всегда происходили сильные стремления груза к двери. Это нужно объяснить тем, что груз при наступлении темноты напирает к свету. [Абсолютно бессмысленное предложение. У двери не светлее, чем в остальной части машины.] Далее было установлено, что появляющийся шум всегда, пожалуй, связывается со зловещим свойством темноты, когда двери закрываются. Поэтому целесообразно, чтобы освещение включалось перед эксплуатацией и в течение первых ее минут».</p>

У письма от 23 июня было 7 пунктов. Также пометка от 5 июня разделена на 7 пунктов, но не все они соответствуют по содержанию, по крайней мере частично, каждому из пунктов письма. Некоторые желания изменений РСХА от 23 июня, очевидно, не подходили для теории о массовых убийствах газом и поэтому были опущены. Вместо этого были введены два дополнения.

Так в пометке от 5 июня в пункте 3 говорится:

«Соединительные шланги между выхлопной системой и машиной часто ржавеют, так как они изнутри проедаются попадающими в них жидкостями. Чтобы избежать этого, нужно теперь сместить впускные патрубки так, чтобы ввод происходил сверху вниз. Вследствие этого можно избежать затекания жидкостей».

Здесь в текст включены соединительные шланги для выхлопных газов, о которых не говорилось в оригинальном письме.

Следующее дополнение находится в пометке под пунктом 7, в котором говорится о необходимости выдвижной решетки. Здесь говорится, что так как *«получившая заказ на это конструктивное изменение фирма [...] считает этот вид конструктивного изменения [...] в настоящее время неосуществимым»*, нужно поднять вопрос об *«исполнении этого изменения другой фирмой»*. Это абсолютно ново для знатоков процесса и снова противоречит выраженной в других письмах срочности заказа. Кроме того, внутренние заметки сотрудников РСХА на обратной стороне письма фирмы «Gaubschat» от 14.5.42 подтверждают, что РСХА отказывается от требования установки выдвижной решетки и соглашается с тем *«изготовлением, как до сих пор»*. О другой фирме, которая должна быть подключена к этой работе, там не говорится.

3.3.2.3. «Особые автомобили» для перевозки людей?

Для чего Главное управление имперской безопасности хотело использовать эти «особые автомобили», из этой переписки узнать нельзя. Но зато можно со стопроцентной уверенностью сказать, для чего эти автомобили нельзя было применить: а именно для всякого рода перевозок людей.

Из корреспонденции и принадлежащих к этому записей в деле РСХА можно сделать несколько выводов о свойствах кузовов-фургонов этих «особых автомобилей».

В протокольной записи РСХА от 27 апреля 1942 года проверяются различные возможности устройства для быстрой разгрузки: а) опрокидывающее устройство кузова фургона (как у самосвала – прим. перев.); б) оснащение решетки на полу опрокидывающим механизмом; с) выдвижная и вдвигная решетка.

Внутренняя высота кузова указывается как 170 см. С запланированной установкой решетки на колесные ниши от этой высоты пропадают 7,5 см, и она тогда составляет только лишь 162,5 см. Этого абсолютно недостаточно для перевозки людей в стоячем положении.

Под пунктом b) «оснащение решетки на полу опрокидывающим механизмом», говорится о том, что нужно добиться «плавного скольжения» груза в фургоне, которое возможно только при наклоне пола от 30 до 35°. Однако груз в фургоне требовал бы как минимум одного метра свободного пространства между полом и потолком, так как иначе он был бы сжат. Это свободное пространство можно достичь только при угле подъема 10°, что не было бы достаточно для «плавного скольжения» груза в фургоне. Также здесь становится отчетливо видно, что «грузом в фургоне» никак не могли бы быть люди, так как людей нельзя сжать до высоты одного метра.

«Чтобы груз в фургоне через последнюю решетку не падал на заднюю стенку кабины водителя», решетка должна была быть снабжена «согнутой под углом решеткой» высотой от 30 до 40 см. Такая решетка была бы слишком низка, чтобы удерживать тесно сжатых стоящих людей от того, чтобы падать на заднюю стенку кабины водителя.

Конструктивные предложения РСХА касаются быстрой разгрузки «особых автомобилей». Но как раз это – по описанию у Когона, в частности, в книге *Массовые национал-социалистические убийства ядовитым газом* – для убийц с «газенагенами» не должно было бы вообще быть проблемой. Несколько цитат из этого произведения могут это доказать.

Так, например, утверждается, что в каждую «душегубку» втискивали от 50 до 80 человек (стр. 84, 89, 91, 96, 104, 196).

«Жертв втискивали в машину». (стр. 105)

«Мы насильно заталкивали их в машины для убийства газом», эти машины «полностью наполнялись людьми». (стр. 91)

Машины были каждый раз

«полностью загружены, так что при открывании двери трупы сразу же выпадали». (стр. 90)

Что касается количества 50 – 80 человек, то нужно отметить, что при полезной нагрузке 4,5 т в машину можно загрузить только 60 человек.

«Затем машина открывалась. Несколько трупов выпадали, другие выгружались заключенными». (стр. 84)

«Двери открывались, и трупы сбрасывались в яму». (стр. 105).

«Задняя дверь машины открывалась, и трупы вытаскивались другими [...] евреями, если они при открытии двери сами не вываливались оттуда кучей». (стр. 93)

«При открытии дверей сначала выходил чад, а затем выпадала куча судорожно сжатых людей». (стр. 93)

Однако, очевидно, имелись уже «газенвагены» и с опрокидывающим механизмом:

«Газенваген ехал тогда задним ходом до края братской могилы, задняя дверь открывалась, и кузов откидывался назад. Вследствие этого жертвы падали в могилу». (стр. 106)

Одно проясняется из этих свидетельских показаний: эти «душегубки» не могут быть идентичны с «особыми автомобилями» РСХА. Последние не подходили ни для перевозки людей (слишком маленькая внутренняя высота кузова), ни для убийства находящихся в кузове людей выхлопными газами (у этих машин были дизельные двигатели).

4. Свидетельские показания

Критическая проверка обоих основных обвиняющих документов в деле о «газенвагенах» дала в итоге мало позитивного в отношении их достоверности. Теперь у нас остаются только лишь свидетельские показания, исследование которых, возможно, все же сможет дать убедительные сведения.

Мы не хотим повторять здесь еще раз оговорки, которые всегда нужно учитывать в отношении свидетельских показаний, и ссылаемся на сказанное в разделе 2.3. К этому добавляется, однако, еще одна серьезная проблема. Свидетельские показания – это, как правило, части судебных или досудебных исследований, и их досье в Германии закрыты для свободного исторического исследования. Поэтому показания в их первоначальной форме, т.е. в контексте общего описания ситуации свидетелями, нам не доступны. Мы знаем только короткие выписки из них, которые цитируются. То, что при этом могут происходить ложные интерпретации, очевидно. У каждого автора есть интерес только к той теме, которая занимает именно его, и он соответствующим образом отбирает свои источники. Итак, мы можем цитировать только из уже отобранных другими авторами свидетельских показаний, не имея возможности определить соответствующий контекст. Поэтому мы преимущественно ограничимся описаниями фактов.

Большое количество свидетельских показаний, которые говорят о «газенвагенах», вероятно, уже можно было бы понять как указание на их фактическое существование и – это для нас повод проверить все эти высказывания особенно тщательно.

4.1. Русские «душегубки»

О русских «душегубках» нам сообщили унифицированные показания на процессах в Краснодаре и Харькове. (*People's Verdict*, стр. 8 и на последующих страницах, 49, 50, 65, 69, 77, 85, 89 и на последующих страницах).

Подсудимые и свидетели почти единогласно описывали «душегубки» так:

- темно-серый имеющий форму ящика грузовик
- большой, двухосный грузовик
- 5 или 7 т.
- дизельный двигатель
- 6-цилиндровый мотор
- внутри обит оцинкованным железом
- сзади двойная дверь, герметично закрывающаяся
- с резиновой обивкой на дверях
- на полу (деревянная) решетка
- под ней одна или несколько труб, соединенных с выхлопной системой
- выглядит как обычная машина для перевозки заключенных / развозной автофургон
- машина вмещает примерно 60-70 человек
- ее называют «душегубкой», «машиной смерти», «Черным вороном».

Почти созвучные описания, которые могли бы быть, собственно, доказательством правильности сведений, в этом случае, возможно, являются следствием советских методов допроса, и поэтому не доказательны. Такой вывод позволяют сделать, во всяком случае, дизельные двигатели, наличие которых подчеркивалось всеми свидетелями, и из-за которых способ убийства, о котором говорят свидетели, представляется невозможным.

Проверка этих сведений просто невозможна. Все же некоторые из этих описаний были также включены в приговоры немецких судов.

4.2. «Газенвагены» на процессах национал-социалистов

4.2.1. Разные типы «Газенвагенов»

Согласно описанию, которое содержится, в частности, в изданной Когоном документальной книге *Массовые национал-социалистические убийства ядовитым газом* (стр. 81 и на следующих страницах), как «газенвагены» использовались те самые «особые автомобили» РСХА, которые фирма «Gaubschat» должна была оснастить специальными кузовами. Мы уже доказали несостоятельность этого утверждения в предыдущей главе.

Тем не менее, свидетели говорят не только о «газенвагенах» фирмы «Заурер», и даже там не только об одной модели, но и еще о других типах «газенвагенов».

«Газенваген» «Заурера» – независимо от того, что оба раза это должна была быть пятитонка – существовал якобы в двух разных размерах, один раз с вместимостью 50 человек (Когон, стр. 84), в другой раз – 80 человек (стр. 98). На самом деле грузоподъемность грузовика фирмы «Заурер» составляла 4,5 т. О допустимом количестве помещавшихся в него людей см. главу 3.

Другим типом «газенвагена» должен был быть американский грузовик фирмы «Даймонд», трехтонный, тоже в двух разных размерах: с вместимостью 25-30 человек (стр. 84) и 50 человек (стр. 98).

Следующими типами грузовиков, которые были идентифицированы как «газенвагены», были: ««Рено» средней грузоподъемности» (Когон, стр. 114), «Магирус-Дойц» (Флеминг, иллюстративная часть); и, наконец, «Опель-Блиц» (Беер, стр. 414). Одна свидетельница видела «гигантскую машину», в которой могли стоять сто человек (Когон, стр. 108).

И еще была машина «похожая на фургон для перевозки мебели», на которой на обоих бортах была надпись «Kaisers-Kaffee-Geschäft» (Когон, стр. 63). Однако эту надпись не заметили два следующих свидетелей, которые якобы видели ту же машину (Клее, стр. 107). Также внешний вид этих специальных автомобилей описывается по-разному. Однажды это был

«большой, обитый жестяными пластинами автомобиль без окон, с большой железной дверью сзади. [...] Под машиной был смонтирован контейнер, из которого трубопроводы вели во внутреннюю часть машины. «(Когон, стр. 64)

Другой свидетель, напротив, утверждает, что речь шла о «тракторе с большим герметично закрытым прицепом из стали» (Клее, стр. 107).

4.2.2. Описание «газенвагенов»

Если типы и размер автомобилей уже описываются по-разному, то еще более разнообразны подробности их оснащения. Особенно у Когона мы находим пеструю мешанину противоречащих друг другу высказываний:

Кузова были «безоконные» (стр. 64, 96), имели «глазок или стекло», через которое мог заглянуть человек снаружи (стр. 84), имели окно или глазок, через который «можно было смотреть из кабины водителя в машину» (стр. 115), у них были «нарисованные имитации окна» (стр. 102).

О двери / дверях «газенвагенов» имеются следующие свидетельские показания: На задней стенке машин была одна большая дверь (Когон, стр. 64, 85, 95, 96, 104); имелись две двери, или одна двустворчатая дверь (стр. 88, 91, 93, 99, 102, 105, 114, 125, 126). Эта дверь «герметично закрывалась» (стр. 63, 88, 91, 105); она «защелкивалась» (стр. 85), «запиралась» (стр. 95), запиралась висячим замком, ключ от которого висел в кабине водителя (стр. 126, 127); она завинчивалась «тремя винтами наверху, в середине и внизу» (Клее стр. 107).

Если учесть, что в случае с кузовами «газенвагенов» речь должна идти о стандартном типе, то такое разнообразие оснащения удивляет. Кроме того, разные сведения часто касаются одного и того же грузовика, который якобы видели различные свидетели.

Почти все свидетели молчали, однако, об одном: об устройстве, которое должно было осуществлять убийство людей газом. Как раз в случае типичного устройства «газенвагенов», которое интересует нас, свидетельские показания не дают абсолютно ничего.

Отдельной главой являются утверждения, что «душегубки» применялись при убийстве душевнобольных (эвтаназия) так же, как и в лагере Кульмхоф/Хелмно. Для этих обвинений нет письменных доказательств, лишь утверждения свидетелей. У нас здесь нет места, чтобы разбирать эти утверждения отдельно. Но также и эти показания не более достоверны, чем остальные.

В итоге мы не узнали ничего того, что могло бы нам помочь. Также свидетельские показания не дают обоснованных доказательств наличия и использования «душегубок» с целью убийства в них людей.

4.3. «Настоящая проблема – это свидетельские показания»

Автор несколько лет назад посетила институт Яд ва-Шем в Иерусалиме, чтобы осведомиться там о подробностях лагеря смерти Треблинка. К ее удивлению ответственная израильская сотрудница заявила ей:

«Мы уже давно знаем, что лагеря смерти Треблинка никогда не существовало. Израильские ученые, историки и геологи снова и снова подробно исследовали описанные свидетелями места и не нашли ни одного доказательства лагеря смерти. Такой лагерь и события там должны были бы оставить следы, которые можно было бы найти. Но никаких таких следов нет. Настоящая проблема Треблинки – это свидетельские показания».

Это утверждение справедливо также и для «газенвагенов». Было бы нереалистично предполагать, что все люди, которые якобы видели «газенвагены», лгали преднамеренно и сознательно или лжесвидетельствовали. Они должны были видеть какие-то грузовики, которые им – по каким-то причинам – показались необычными или опасными.

Самым простым объяснением может быть, что людей на грузовых автомобилях перевозили из одного места в другое. Свидетели видели лишь, как люди заходили в машину и больше не возвращались. Мысль о связи между этим фактом и «газенвагеном», вероятно, пришла к ним уже только в послевоенное время.

Как мы уже слышали вначале, в Третьем Рейхе не было термина «газенваген» для обозначения автомобиля для убийства людей. Но были различные особые и специальные транспортные средства, которые обозначались как «Gaswagen», «Vergasungswagen», «Gasgeneratorwagen». О последних (газогенераторные автомобили) Ф.П. Берг подробно рассказал в своей статье.

Мы полагаем, что, в первую очередь, другой особый автомобиль мог дать пищу фантазии свидетелей. Особенно на польских и русских территориях в немецком тылу немецкие войска столкнулись с опасностью сыпного тифа. Однако та же опасность существовала в лагерях и гетто. Борьба с тифом была одной из самых первоочередных задач немецких властей. Об этом свидетельствует подробная литература того времени.

Как мобильные дезинфекционные установки часто использовались машины для обработки газом («Vergasungswagen»), кратко также называвшиеся «Gaswagen». Выражение «машина для обработки газом» следовало из процесса: вши, основные переносчики возбудителя тифа, уничтожались с помощью газа синильной кислоты. Имелись также другие процессы дезинфекции, но использование газа синильной кислоты рекомендовалось как самое целесообразное. К машинам с установками для дезинфекции одежды добавлялись также установки для обработки людей. При случае для этих целей как вре-

менное решение также переоборудовались и применялись машины для перевозки мебели, и как раз такие, как утверждают несколько свидетелей, они и видели, и посчитали их «душегубками».

В этой связи также интересно, что несколько свидетелей говорили о «нарисованных имитациях окна». Это напоминает о «ставнях» из Нюрнбергского документа PS-501. Однако такие «ставни» действительно имелись в автомобилях для дезинфекции одежды (*Bekleidungs-Entgiftungs-Kraftwagen*, Sd. Kfz. 93, «машина с камерой для дегазации обмундирования», см. Освальд, стр. 210), которые обычно находились в распоряжении у химических войск. Также это была машина не для «отравления газом» людей, а для дегазации отравленной ядовитым газом одежды.

Также нельзя исключать, что особые автомобили РСХА служили целям дезинфекции. Во всяком случае, один обергруппенфюрер СС в апреле 1942 года подтвердил, что получил от РСХА «*Entlausungswagen*» (машины для уничтожения вшей) (цитируется из Когона, стр. 107).

Такие машины, вместе со слухами, которые, как известно, дико разрастаются в таких замкнутых пространствах как гетто и лагеря, вполне могли образовать основу для спекуляций. Остальное могли сделать послевоенные истории, которые заполнили пробелы в знаниях свидетелей непроверенными сообщениями.

Мы так же мало можем предложить решение проблемы свидетельских показаний, как и сотрудники института Яд ва-Шем. Внесение в это ясности должно было бы стать задачей свободного, беспрепятственного исследования.

5. Резюме

Наше критическое изучение доказательств существования «газенвагенов» в итоге показало следующее:

«Машины-душегубки», в которых людей убивали с помощью направленных в кузов выхлопных газов, появились, по данным советских офицеров, уже в тридцатые годы в Советском Союзе. В 1943 году Советы утверждали, будто бы немецкие войска использовали такие «машины для убийства», чтобы убить тысячи невинных советских граждан. В утверждениях обвинения говорилось исключительно о грузовиках с дизельными двигателями, выхлопные газы которых, как достоверно известно, содержат недостаточно окиси углерода, чтобы вызвать смерть. На основании этих обвинений как украинцы, так и немецкие военнопленные были противозаконно казнены.

На Нюрнбергском процессе Советы повторили эти свои обвинения и получили поддержку в этом от американских обвинителей, которые представили письменные документы: наряду с письменными показаниями под присягой документ PS-501 – один из обоих документов, на которые до сегодняшнего дня опирается тезис о существовании «газенвагенов». Как письменные показания под присягой, так и PS-501 не были классифицированы нами как доказательные. В семидесятые годы внезапно появился еще один документ из Федерального архива в Кобленце, R 58/871, который тоже должен был доказать существование «душегубок». Этот документ мы смогли однозначно разоблачить как подлог.

В шестидесятые и семидесятые годы происходили многочисленные процессы национал-социалистов, на которых тезис о существовании «газенвагенов» пытались обосновать противоречивыми и частично бессмысленными свидетельскими показаниями. В этой связи мы рассмотрели проблему свидетельских показаний при помощи нейтральных оценок и пришли к выводу, что свидетельские показания, чтобы быть достоверным, должны подтверждаться доказуемыми фактами или документами, которые выдержали критическую проверку. Это ни в коем случае не было возможно с проблемой «газенвагенов».

В целом представленные доказательства не могут считаться достоверными, так что утверждение, будто бы немцы убили тысячи людей с помощью «автомобилей-душегубок», нужно зачислить в категорию слухов.

6. Литература

Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Im Auftrag des Auswärtigen Amtes aufgrund urkundlichen Beweismaterials zsgest. und bearb., Berlin 1943

Ball, John C., *Air Photo Evidence. Auschwitz, Treblinka, Majdanek, Sobibor, Bergen Belsen, Belzec, Babi Yar, Katyn Forest. World War II photos of alleged mass murder camps*, Ball Resource Service Ltd., Delta, B.C., Canada 1992

Beer, Mathias, «Die Entwicklung der Gaswagen beim Mord an den Juden», *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 35(3) (1987) S. 403 – 417

Beyer, Wilhelm Raimund (Hg.), *Rückkehr unerwünscht*, dtv, München 1980

Broszat, Martin, «Zur Kritik der Publizistik des antisemitischen Rechtsextremismus», *Aus Politik und Zeitgeschichte* B19 (1976)

Dawidowicz, Lucy, *The Holocaust and the Historians*, University Press, Harvard 1981

Fleming, Gerald, *Hitler und die Endlösung*, Limes, Wiesbaden 1982

Frank, Reinhard, *Lastkraftwagen der Wehrmacht*, Podzun-Pallas, Friedberg 1992

Gassner, Ludwig, «Verkehrshygiene und Schädlingsbekämpfung», *Gesundheits-Ingenieur* 66(15) (1943) S. 174-176;

- Grigorenko, Piotr, *Erinnerungen*, Bertelsmann, München 1981
- Hilberg, Raul, *Die Vernichtung der europäischen Juden*, Olle & Wolter, Berlin 1982
- IMT – *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg 14. November 1945 – 1. Oktober 1946*, Nürnberg 1947 (fotomechanischer Nachdruck: Delphin, München 1984)
- Kayser, H., «*Ärztliche Erfahrungen bei der Planung, dem Bau und Betrieb von Durchgangslagern für ausländische Arbeitskräfte*», *Arbeitseinsatz und Arbeitslosenhilfe* 24(21) (1943) S. 127-129
- Klee, Ernst, «*Euthanasie*» im SS-Staat, Fischer, Frankfurt/Main 1983
- Koestler, Arthur, *Der Yogi und der Kommissar*, Bechtle, Esslingen 1950
- Корон, Eugen, Hermann Langbein, Adalbert Rückerl u.a. (Hg.), *NS-Massentötungen durch Giftgas*, Fischer, Frankfurt/Main 1983
- Konrich, Friedrich, «*Über die Sanierungsanstalten der deutschen Kriegsgefangenenlager*», *Gesundheits-Ingenieur* 64(29) (1941) S. 399-404
- Marsalek, Hans, *Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen*, Österreichische Lagergemeinschaft Mauthausen, Wien ²1980
- Marais, Pierre, *Les camions à gaz en question*, Polemiques, Paris 1994; 41, rue de la Croix-des-Joncs, F-17450 St. Laurent de la Prée, FF 130,-.
- Maser, Werner, *Nürnberg, Tribunal der Sieger*, Droemer Knaur, München 1979
- Mrugowsky, J., «*Die Seuchenlage im europäischen Teil der UdSSR*», *Zeitschrift für Seuchenabwehr, Wohnungshygiene und Schädlingsbekämpfung* 34(12) (1942) S. 115
- Nolte, Ernst, *Streitpunkte*, Propyläen, Berlin 1993, S. 476, dortige Anmerkung 31.
- Oswald, Werner, *Kraftfahrzeuge und Panzer der Reichswehr, Wehrmacht und Bundeswehr*, Motorbuch, Stuttgart ¹³1990
- Pappenheim, Erich, «*Fehler beim Bau von Entlausungsanstalten*», *Gesundheits-Ingenieur* 66(16) (1943) S. 183f.
- The People's Verdict*, Hutchinson & Co., London 1944
- Peters, Gerhard, *Die hochwirksamen Gase und Dämpfe in der Schädlingsbekämpfung*, F. Enke, Stuttgart 1942
- Peters, Gerhard/W. Rasch, «*Die Blausäure als Entlausungsmittel in Begasungskammern*», *Der praktische Desinfektor* 33(9) (1941) S. 93-96
- Poliakov, Leon, *Harvest of Hate*, Holocaust Library, New York 1979
- Puntigam, Franz, «*Hygienische Gesichtspunkte bei der Auswahl des Platzes für ein zu errichtendes Durchgangslager mit Entlausungseinrichtungen für ausländische Arbeitskräfte*», *Arbeitseinsatz und Arbeitslosenhilfe* 6(3) (1942) S. 27f.
- Puntigam, Franz/Hermann Breymesser/Erich Bernfus: *Blausäuregaskammern zur Fleckfieberabwehr*, Sonderveröffentlichung des Reichsarbeitsblattes, Berlin 1943
- Puntigam, Farnz/Hans Pichler, «*Raumlösungen von Entlausungsanstalten*», *Gesundheits-Ingenieur* 67(6) (1944) S. 139-145
- Rückerl, Adalbert (Hg.), *NS-Prozesse*, C.F. Müller, Karlsruhe ²1972

Rückerl, Adalbert (Hg.), *NS-Verbrechen vor Gericht*, C.F. Müller, Heidelberg ²1984 (Die 1. Aufl. erschien unter dem Titel *Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen*, C.F. Müller, Heidelberg 1979)

Ruppert, Joseph: «Die Seucheninsel Polen» in: Jost Walbaum (Hg.), *Kampf der Seuchen! Deutscher Ärzte-Einsatz im Osten, Deutscher Osten*, Krakau 1941

Soviet War Documents, Information Bulletin, Embassy of the Union of Soviet Socialist Republics, Washington, D.C., Special Supplement, Dezember 1943

The Trial in the Case of the Atrocities Committed by the German Fascist Invaders and their Accomplices in Krasnodar and Krasnodar Territory, July 14 to 17, 1943, Foreign Languages Publishing House (Verlag für fremdsprachige Literatur) Moskau 1943

Walendy, Udo, «Das verbrecherische System», *Historische Tatsachen* Nr. 48, Verlag für Volkstum und Zeitgeschichtsforschung, Vlotho 1991

Weidner, Herbert, «Die Organisation der Läusebekämpfung im Hauptkommissariat Baranowitzsch, Weißruthenien», *Der praktische Desinfektor* 34(4) (1942) S. 35

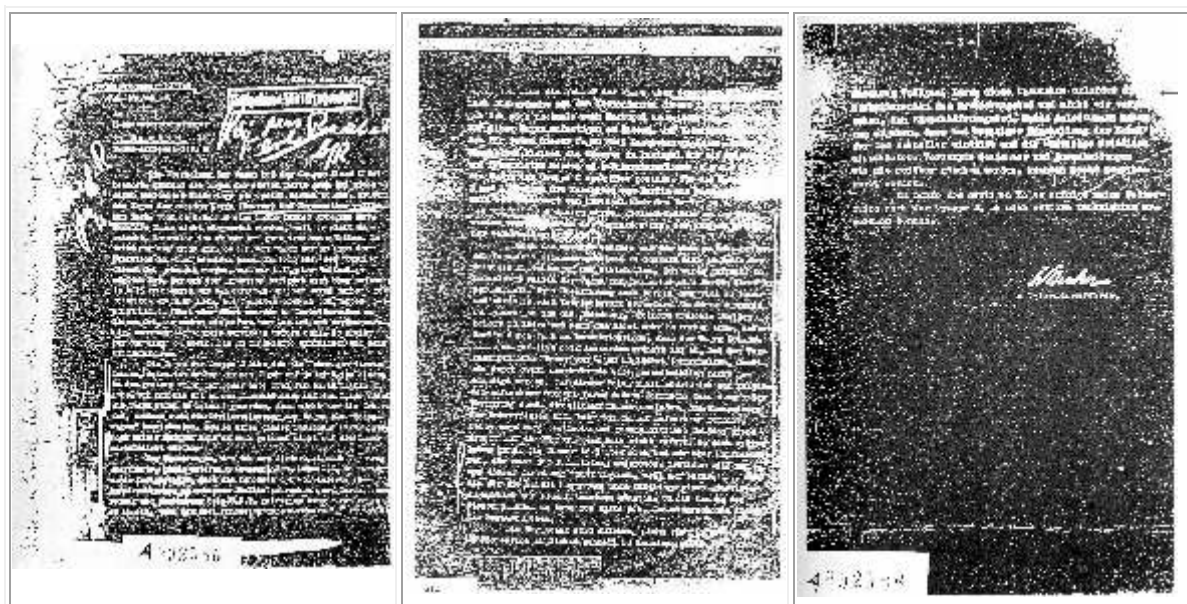
Wohlrab, R.: «Flecktyphusbekämpfung im Generalgouvernement», *Münchener Medizinische Wochenschrift* 89 (1942) S. 483-488

Wüstinger, Emil, «Vermehrter Einsatz von Blausäure-Entlausungskammern», *Gesundheits-Ingenieur*, 67(7) (1944) S. 179f.

Приложение

Нюрнбергский документ PS-501

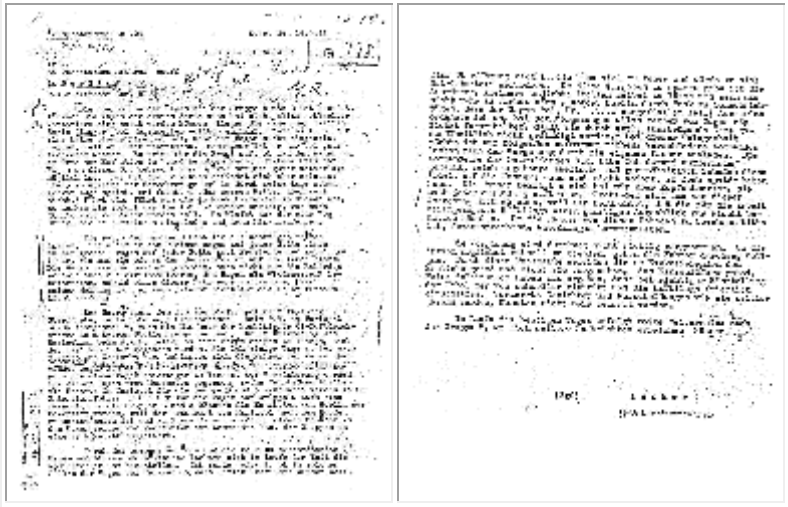
Вариант А:

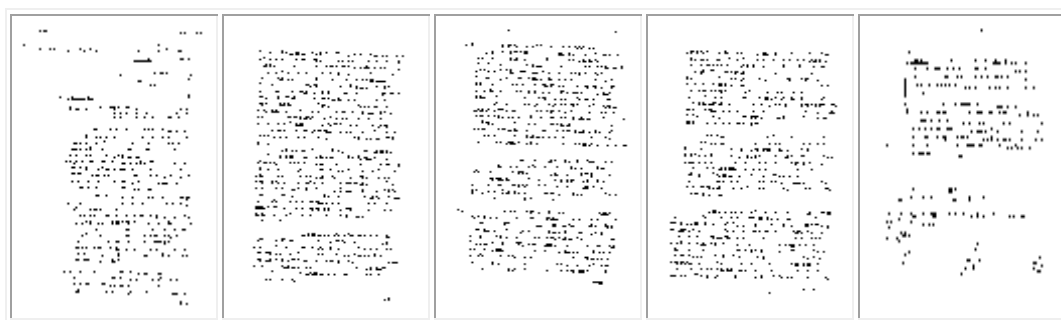
Вариант В, страница 1:

Вариант С:

Документ из Федерального архива Кобленца R 58/871

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)